ЧЕЛОВЕК. ЛАНДШАФТ. КУЛЬТУРА

С.В. Чебанов
Санкт-Петербургский государственный университет

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ДЕГРАДАЦИЯ И НЕКРОТИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТА

Ввиду неразработанности представлений о цикле существования ландшафта, стадиях его развития и деструкции рассмотрение этих реалий с точки зрения общей витологии даёт шанс заполнить существующие концептуальные лакуны. В таком случае ландшафт предстает как организм, со свойственной ему сложным устройством. Важнейшей способностью организма является генерирование разного типа регулярностей, как нарушение которых проявляется жизнь. Деструкция и утрата регулярностей приводит к трупообразованию, крайним проявлением которого является редукция организма к его телу, а далее и деструкция этого тела. Смерть же проявляется как утрата нарушения регулярностей. Указанные процессы рассмотрены на примере Северного Прикамья.

Ключевые слова: *ландшафт, организм ландшафта, тело ландшафта, жизнь ландшафта, труп ландшафта, смерть ландшафта, кадавризация ландшафта, общая витология, Северное Прикамье*

S.V. Chebanov
Saint Petersburg University

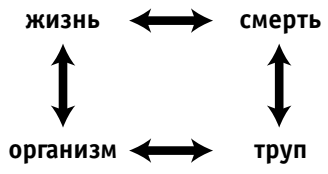
LIFE, DEATH, DEGRADATION AND NECROTIZING OF LANDSCAPE

In view of not readiness of ideas of a cycle of existence of alandscape, stages of his development and destruction consideration of these realities from the point of view of the general vitology gives chance to fill the existing conceptuallacunas. In that case thelandscape appears as an organism, with peculiar to him the difficult organization. The most important ability of an organism is generation of different type of regularities as violation of whichlife is shown. Destruction and loss of regularitiesleads to a process of formation of corpses which extreme manifestation is the organism reduction to his body, and further and destruction of this body. Death is shown asloss of violation of regularities. The specified processes are considered on the example of Northern Prikamye.

Keywords: *Landscape, landscape organism, landscape body, landscape life, landscape corpse, landscape death, landscape kadavrization, general vitology, Northern Prikamye.*

I. Основные категории. Жизнь, организм, смерть, труп ландшафта

Использование категорий, перечисленных в заглавии, применительно к ландшафту может показаться чем-то вполне необязательным, если рассматривать их как простые метафоры. Однако, как было показано [76, 80, 85], в рамках витацентрической витологии [41] им может быть придан вполне точный смысл.



Тетрада категорий

В таком случае развиваемый подход будет основываться на следующей тетраде категорий (Рис.):

© Чебанов С.В., 2018
Чебанов Сергей Викторович,
д. филол.н.,
профессор кафедры математической лингвистики СПбГУ.
s.chebanov@spbu.ru, s.chebanov@gmail.com

Указанные категории понимаются следующим образом.

Организм понимается как сложное целое, обладающее большим числом важных отличительных свойств. К ним относятся:

- наличие строения, т.е. динамически устойчивого определенного соотношения частей, которые принципиально подобны целому (предфрактальность);
- определенное соотношение центральных и периферических механизмов управления;
- способность различающихся частей порождать новые различия частей;
- изменчивость, определяющая нетождественность организма самому себе;
- наследование последующих состояний организма особенностей его предшествующих состояний и т.д. [80].

Организм представляет собой единство его тела, имеющего определённые геометрическую форму и размеры, локализацию в пространстве, время существования, и волну действия, нелокализованную в пространстве. Тело при этом можно рассматривать как область наиболее высокой концентрации действий [86].

Важнейшим свойством организма является поддержание им определенного набора регулярностей. Среди таких регулярностей есть как циклические (митотические, циркадные, годовые и другие ритмы организмов, сукцессионные циклы биоценозов, циклы Кондратьева в экономике, циклика, связанная с Галактическим годом, и т.д.), так и с линейной последовательностью событий (реакция организмов на дефицит питания, тепла, влаги, изменения ландшафта под действием ливней, смерчей, землетрясений и т.д.).

Организмы могут иметь самую разную природу — это могут быть кристаллы, планеты, солнечные системы, облака, смерчи, микробы, растения, животные, общественные организации, партии, учреждения и т.д. и т.п. В каждом из перечисленных случаев организм выступает как субстрат, телесная составляющая существа — особой отдельности, экземпляра, которое как-то обозначено на предметном языке (кристаллический индивид, планета, особь, организация и т.д.) и описывается с помощью специфического для данной отрасли знания понятийного аппарата. В данной работе в качестве существа рассматривается ландшафт.

Организм ландшафта как существа обладает характерными чертами:

- определенным строением, предполагающим наличие тех или иных местностей, урочищ и фаций;
- процессами, которые диктуются как совокупностью управляющих обстоятельств, сформировавших этот ландшафт и придавших его динамике некоторую автономностью, так и экзогенными факторами;
- самыми разными регулярностями — циклическими (суточными, сезонными, сукцессионными, связанными с разными фазами галактического года) и нециклическими (оврагообразование, распространение борщевика Сосновского, деятельность человека, превращающая его в вид-эдификатор местностей, ландшафтов и ландшафтных зон, и т.д.).

Жизнь с точки зрения развиваемого подхода проявляется как нарушение регулярностей. Это не означает отмену существования регулярностей, а утверждает существование событий, появление которых не определяется проявлением действия этих регулярностей, а имеет место безотносительно к ним. Так, например, человек, являющийся законопослушным гражданином (а может быть, даже, юристом), имеющий представление о здоровом образе жизни для своего возраста, зарекомендовавший себя в глазах близких как разумно ведущий себя семьянин, незамеченный в пристрастии к чтению беллетристики и т.д., т.е. являющийся организмом, которому свойственно большое число самых разнообразных регулярностей, может в один прекрасный вечер решить по дороге домой зайти в попавшийся ему на глаза книжный магазин и купить развлекательный роман Дюма. Затем на протяжении многих недель и даже месяцев его поведение ничем не будет отличаться от привычного. В таком случае это покупка будет единственным событием, в котором проявиться жизнь этого гражданина, причем это событие никак не отменяет действия множества регулярностей, но происходит помимо них, хотя и возможно благодаря им.

Можно, конечно, сказать, что и этот поступок закономерен — человек зашёл в книжный магазин, а не в оказавшуюся случайно в городе пещеру горного короля, купил книгу, а не археоптериса, роман Дюма, а не пьесу в стихах Л.И. Брежнева и т.д. (абсурдность приводимых примеров призвана проиллюстрировать проблематичность выявления полного пространства элементарных событий, знание которого необходимо для создания алгоритма). Можно привести также более или менее резонные суждения по каждому из этих вопросов, но это только породит серию следующих подобных вопросов. Принципиальная же постановка вопроса может быть дана в рамках алгоритмической теории вероятности А.Н. Колмогорова [30] — можно ли и как если можно отличить бесконечно длинный алгоритм от отсутствия алгоритма?

Сознавая неверифицируемость ответа на этот вопрос, представляется всё же целесо-

образным давать на него положительный ответ, но полагать, что различение наличия бесконечно длинного алгоритма и его отсутствия осуществляется экспертно [4, 5], являясь компонентом личностного знания [50].

Разные организмы в разной мере благоприятны для проявления нарушения регулярности. Так, для исправных механических часов единственным таким нарушением будет в каждом цикле их завод. Какие-то непредвидимые остановки и отклонения от равномерности хода будут иметь место только при неисправности часов как организма. Напротив, скажем, существование организмов таких существ как птицы или звери предполагает наличие практически необозримого набора регулярностей, в нарушениях каждой из которых может проявляться жизнь. Поэтому такие организмы значительно более жизненаполненны, чем механические часы. Именно поэтому живость растений, животных и человека не вызывает сомнений даже с точки зрения носителя обыденного сознания.

Так или иначе, факт наличия нарушения регулярностей остается. Это и дает основание говорить о том, что жизнь обнаруживает себя как чудо на фоне закономерностей, свойственных организму. При этом если жизненаполненность организма высока, в нём часто обнаруживаются нарушения регулярностей, то можно сказать, что проявляется **жизнь как хроническое чудо.**

Так понимаемую жизнь следует противопоставить **функционированию организма,** которое осуществляется за счет действия свойственных организму регулярностей. Идеально правильно функционирующий организм выступает как автомат. Функционирование организма и проявления в нём жизни складываются в активность существа, больший вклад в интенсивность которой вносится благодаря проявлениям жизни и меньший функционированием организма. Оценка степени интенсивности при этом также осуществляется экспертно.

Если теперь вернуться к основному предмету рассмотрения, то как проявление **жизни ландшафта** можно рассматривать те или иные отклонения явлений природы от климатических норм (аномалии фенологии), необычные разливы рек или необычное по частоте и интенсивности выпадение осадков, осуществляемые человеком инновации, влияющие на ландшафт (вырубки, запруды, пал на больших территориях, пахоты целины или залежных земель) и реакция ландшафтов на них, необычные колебания численности популяций (в т.ч. антропогенные) и т.д. Всё это создаёт тот неповторимый рисунок событий в ландшафте, который делает его притягательным (или — в некоторых ситуациях — отталкивающим) для человека и выступает как **жизнь ландшафта.** В случае чистого функционирования ландшафта как автомата, такой непредсказуемости не было бы и тогда пребывание в ландшафте ничем не отличалось бы от присутствия в искусно сделанном фильме о нём (см. идею фантоматов [37]).

Отмеченное обстоятельство позволяет обсудить несколько примечательных вопросов.

Во-первых, можно рассмотреть разные варианты пребывания человека в ландшафте. Тогда если человек намерен жить в ландшафте, то для него интересна и ценна жизнь ландшафта. Тогда он будет, скажем, помнить, что в году ***XXXX*** зима была очень холодной, а поэтому пришлось особо утеплить свой дом и часто видеть пейзаж за окном сквозь морозные узоры, а в год ***YYYY*** необычайно буйно цвела сирень и весь дом был в её букетах. И то, и другое может быть сопряжено и с радостью, и с печалью, напоминать о близком человеке или вызывать в памяти то, что хотелось бы забыть навсегда и т.д. Но в ландшафте можно и пребывать, а не жить. Тогда все эти подробности ни к чему и нужно обеспечить такое отправление порядка вещей, чтобы независимо от зимней погоды в доме с климат-контролем было бы тепло как летом, окна всегда были бы свободны ото льда, а сирень была бы в доме и в разгар зимы, и поздней осенью. Жизнь ландшафта в этом случае не имеет никакой ценности и было желательно сделать функционирование ландшафта наиболее устойчивым. Для этого мог бы подойти и фантомат Ст. Лема. Нечто подобное реализовывалось, скажем, в XVIII веке в Летнем саду в Санкт-Петербурге — в клетках зверинца были обманки пушных зверей, а не живые животные (как и искусственные растения, бывшие в самом саду), что более соответствовало эстетике французского регулярного парка ([82] — ср. отвержение принцессой живых соловья и розы в «Свинопасе» Г.Х.Андерсена).

Во-вторых, подобным образом можно относится и к перемещению в ландшафте. Так, можно пересекать его чисто функционально и тогда всякое отклонение от графика движения, низкое качество дороги, непредвиденные события, требующие дополнительного внимания, будут источником огорчения или раздражения для целеустремлённого человека, для которого ландшафт выступает как пространственная преграда при осуществлении его деятельности. Для него в ландшафте будет важным надежное функционирование транспортной инфраструктуры, а не непредсказуемые проявления его жизни. Тем не менее, можно проявлять и интерес к непредсказуемым проявлени-

ям жизни ландшафта, к тому, что задерживает передвижение, к причинам этих задержек, к тому, что составляет предмет непредвиденных разговоров с обитателями этого ландшафта, к их нуждам и заботам и т.д. В таком случае может сложиться картина жизни ландшафта, а передвижение даже по хорошо знакомой местности превратиться в путешествие (это может касаться даже перехода на другую сторону хорошо знакомой улицы).

В-третьих, различая жизнь и функционирование ландшафта, можно отличить путешествие от других видов перемещения в ландшафте, наделённых полионтикой. Под полионтикой понимается такая картина мира, которая составлена из систематизированных представлений принципиально разного онтолого-эпистемического статуса, например, ясного представления о сущем наряду с представлениями о должном (в том числе, должном с нравственной точки зрения), умения виртуозно оперировать с идеальными объектами и навыком сложной лабораторной работы с неповторимым в своём многообразии эмпирическим материалом, данными извлекаемыми из карты и наблюдений на местности и т.д. Путешествие в этом контексте можно интерпретировать как герменевтику череды мест в полионтике [21, 79], включающей в себя конкретный ландшафт, в котором находится путешественник, предварительное знание этого ландшафта по литературным источникам, рассказам очевидцев (включая тех, кто путешествовал раньше), изучения коллекций, отчётов и другого камерального материала, и знания и навыки, полученные в ходе общепрофессиональной подготовки. Эвристический эффект путешествия определяется сличением ожиданий увидеть нечто со сведениями извлечёнными из того, что увидено в его ходе. При этом важно как совпадение, так и несовпадение ожидаемого и увиденного. Путешествие будет таким перемещением в ландшафте, при котором предварительное знание ландшафта построено на образах, а то, что увидено касается жизни ландшафта. При этом организация путешествия, будучи ориентированной на постижение жизни ландшафта, не может быть (в идеале) жестко регламентированной ни предусмотренным временем путешествия, ни тем, чему во время путешествия уделяется внимание, ни способом фиксации материала и т.д. Строго говоря, мастерство путешествий [59] вообще не подчиняется принципам «Рассуждение о методе» Р. Декарта [13] и результаты, полученные путешествующими по одному маршруту разными путешественниками могут быть не похожи друг на друга, принадлежа к сфере личностного знания [50].

От путешествия радикально отличается экспедиция. Её маршрут, график его прохождения, пакет готовящихся по её результатам отчётных документов строго определены, а результаты работы двух экспедиций одного профиля должны быть идентичны. При этом как и путешествие, экспедиция строится на основе полионтики (в данном случае, жестко структурированной полионтологии) — сличения картины, сложившейся перед проведением экспедиции и картины, сформировавшейся в ходе экспедиции, однако обе картины представляют изучаемый ландшафт жестко аспектуально, а жизнепроявления этого ландшафта осложняют и запутывают исследователя, заставляя учитывать особенности погоды или другие подробности года проведения экспедиций, близость дат их проведения, имевшие за разделяющее их время необратимые изменения ландшафта и т.д.

Описанное различие не исключает того, что экспедиция как организм будет кем-то или всеми участниками экспедиции использована для осуществления наполненного жизнепроявлениями путешествия, в то время как для кого-то из вспомогательного состава это может удовлетворить потребность в бродяжничестве, а для кого-то оказаться экскурсией. С другой стороны, если среди путешествующих окажется жесткий лидер, преследующий свои очень чётко определённые практически цели, то путешествие, вопреки намерениям участников, может превратиться в экспедицию.

Приводимая трактовка соотношения организма и жизни имеет известные богословские аналогии. Так, существует представление о том, что освобождение, даруемое Новым заветом, невозможно без Закона, даваемого Ветхим заветом (ср.: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» — Рим, 3, 31), а один из ведущих современных католических теологов Дж.Хот рассматривает непредсказуемость процесса как **достаточное** условие для трактовки эволюции как проявления Божественного Творения [72].

Богословие несколько проясняет и представление об интенсивности активности. Один из крупнейших восточно-христианских богословов св. Григорий Палама, живший в Византии в XIV веке, рассматривая нетварные энергии, говорил о наполненности ими ангелов и последовательном ослаблении их присутствия в человеке и животных [27, гл.5-7; полный текст PG. t. 150, col. 1209 C - 1212 A.].

Теперь можно обратиться к оставшимся нерассмотренными членам тетрады.

Трупом является организм, лишённый функционирования. Переход к состоянию трупа более или менее очевиден при одновремен-

ном прекращении всех или многих ведущих функций. Поэтому так легко распознать труп млекопитающего. Сложнее дело с низшими беспозвоночными или высшими растениями, у которых может происходить локальное отрупление (см. [76], здесь же этот вопрос обсуждаться не будет).

Применительно к ландшафту говорить о его трупе можно, когда функционирование организма ландшафта невозможно из-за его сильного разрушения (землетрясение, ураган, излияние лавы, смерчи, пожары, ковровые бомбардировки, падения крупных метеоритов, ядерные взрывы) или консервации (фиксации), делающей невозможным всякое проявление активности вследствие внешнего воздействия (поглощение барханом, лавой, вулканическим пеплом, цементом, асфальтом и т.д.).

При этом, однако, труп ландшафта, как и любой другой труп, сразу же становится строительным материалом, субстратом для других организмов. Так, в трупе ландшафта могут оказаться сохранившимися отдельные фации, урочища или даже местности, которые в относительно неизменном или изменённом виде будут интегрироваться во вновь складывающийся ландшафт.

При этом какие-то процессы, имевшие место в ландшафте прекращаются (вегетация растений и процессы выветривания пород, оказавшихся погребёнными, течение потоков, оказавшихся на горизонтальных поверхностях, аэробное разложение бывших на дневной поверхности органических остатков), а процессы, характерные для вновь возникающего ландшафта еще не установились (оказавшиеся на дневной поверхности слои грунта ещё не покрылись растительностью, не прошёл процесс задерновывания, не сформировались новые устойчивые потоки, с их ложем, долинами, плакором и т.д.). Именно такое кратковременное переходное состояние и можно квалифицировать как труп ландшафта. Подобные процессы касаются и того, что стало результатом частичного отрупления.

Смерть проявляется как рассеивание, исчерпание жизни, при которых вклад непредсказуемости в активность организма становится всё меньше (ср. М.Ф.К.Биша: жизнь — сопротивление смерти [71, с. 220-223]). Частичная одержимость организма смертью проявляется как некротизация его активности, проявляющаяся при относительно небольшой степени некротизации в нарастании регулярности, уменьшении вклада непредсказуемости в общую активность организма, а при большой степени некротизации — в утрате самих регулярностей, уменьшении их разнообразия и сложности вследствие разрушения организма, его отрупления. Указанные явления и процессы можно охарактеризовать более подробно.

Итак, образование трупа ландшафта имеет место вследствие быстротекущих интенсивных процессов, охватывающих весь ландшафт или значительную его часть, приводящих к разрушение многих компонентов ландшафта или их консервации, исключающей протекание характерных процессов (см. выше). Так, проседания грунта и техногенные землетрясения на территории Верхнекамского месторождения калийных и магниевых солей (ВКМКМС [2, 55]) являются именно такими процессами трупообразования ландшафта. При этом имеет место появление трупов людей и животных (прежде всего, крупных и относительно крупных), разрушение построек и других компонентов культурного ландшафта, а также и культурного ландшафта в целом (хотя и происходящее за счёт антропогенных воздействий), взрывообразное нарушение целостности дневной поверхности и практически моментальное захоронение её фрагментов и т.д., т.е. происходит выраженная деструкция тела ландшафта. Всё это позволяет говорить о том, что ландшафт подвергается интенсивной деградации, выражающейся в интенсивном трупообразовании и сопровождающем его нарушении многих свойственных ландшафту регулярностей. В силу последнего обстоятельства можно констатировать понижение активности существа ландшафта, при большой степени выраженности которого ситуацию с обыденной точки зрения можно квалифицировать как смерть ландшафта.

В подобной ситуации, как и в других ситуациях тотального трупообразования, воспринимаемого как смерть, начинаются быстрые изменения трупа (со скоростями на порядки больше характерных для функционирования умершего организма, когда он был живым). Так, в случае мгновенного проседания грунта или техногенных землетрясений осуществляется смещение и перемешивание компонентов ландшафта, на дневной поверхности появляется то, что залегало на некоторой глубине, а растительный покров оказывается погребенным и т.д. В результате возникает нехарактерное расположение существовавших компонентов ландшафта, необычные их сочетания, часть компонентов разрушается вплоть до полного уничтожения и т.д. Возникает некое относительно непродолжительное состояние, при котором на некоторой территории присутствует совершенно незакономерный конгломерат разнородных компонентов.

Считать ли такой конгломерат ландшафтом? Применительно к комплексам живых организмов экологи бы сказали, что в такой ситуации имеет место присутствие не биоценоза, а ас-

социации организмов, которая со временем может трансформироваться в биоценоз. Подобная трансформация начинается и с трупом ландшафта, причем такая трансформация может быть довольно быстрой, после чего восстанавливаются более или менее плавные процессы трансформации вновь складывающегося ландшафта (которые применительно к биоценозам выступают как сукцессии [58]).

Ландшафты также вовлечены в некие аналоги сукцессий. Так, горная страна может превратиться со временем в равнину или нагорье, сельский ландшафт превратиться в городской, культурный ландшафт подвергнуться одичанию и ренатурализации и т.д. Подобные ситуации нельзя квалифицировать как разрушение, трупообразование или смерть ландшафта, поскольку в этих случаях сохраняется закономерная трансформация ландшафта. Разрушение же, трупообразование или смерть ландшафта прерывает такие сукцессиеподобные трансформации ландшафтов. Причиной прерывания этих трансформаций ландшафта, источником его смерти и разрушения являются чрезвычайные воздействия такие как крупные пожары, извержения вулканов, землетрясения, смерчи, оползни, взрывы, выбросы сероводорода и метана, военные действия и т.д.

Образование трупа ландшафта может быть сопряжено не только с быстрыми деструктивными его изменениями, но и с его консервацией, своего рода аналогом фоссилизации организмов и биоценозов, возникновения танатоценозов, тафоценозов и ориктоценозов [15]. Так происходит если ландшафт заливается лавой, засыпается вулканическим пеплом или песком наступающих дюн, подвергается оледенению или заилению (подводные ландшафты [47]). Антропогенным аналогом подобных процессов является бетонирование и асфальтирование аэродромов, космодромов, строительных площадок под промышленные сооружения, дорог и т.д. Подобные процессы позволяют представить себе идеальный труп ландшафта — это будет некая территория, на которой разрушены все компоненты рельефа до превращения в строго горизонтальную поверхность и которая залита эпоксидной смолой. Однако и такая поверхность будет подвержена выветриваю, со временем она будет разрушаться, на ней будут появляться микроорганизмы и лишайники, т.е. так или иначе, хотя и медленно, будет идти процесс витализации этого трупа.

Такова общая картина рассмотрения ландшафта с позиций общей витологии [41, 80]. Теперь можно остановится на некоторых частных вопросах, связанных, прежде всего, с отруплением, витализацией, некротизацией ландшафта и их балансом.

II. Реальные ситуации. Сложные и комбинированные случаи. Разрушение организма, некротизация, отрупление и трупообразование ландшафта

Разрушение организма ландшафта. Помимо изменений, возникающих под воздействием спонтанных процессов или неантропогенных воздействий тело ландшафта может целенаправленно, хотя и не всегда осознано, разрушаться человеком. Примером такого разрушения может быть подсечно-огневое земледелие, приводящее к исчезновению лесов, возникновение Пыльного котла в прериях США и Канады в 1930-36 гг. или пыльных бурь в Казахстане в 1962-63 гг. вследствие распашки целины, что запустило процессы деградации почв и опустынивания. На территории Пермского края аналогичными примерами является строительство города Березники над шахтами ВКМКМС, что уже в 1930-ые гг. предопределило возникновение в будущем провалов грунта, которое было ещё более усугублено вследствие появления в 1954 г. Камского водохранилища поднятием грунтовых вод, размывающих солевую линзу. Практически неизбежное в такой ситуации увеличение площади провалов и размывание высокостоящими водами фундаментов построек (в том числе, выдающихся историко-культурных памятников Усолья и Соликамска) приведет к разрушению тела существующего ландшафта, в том числе, его ценных антропогенных компонентов.

Разрушение тела ландшафта может идти и за счет депривации считающихся нежелательными проявлений его функционирования. Так, хорошо известны негативные эффекты осушительной и оросительной мелиорации, остро дискутируется целесообразность регуляция уровня рек за счёт строительства водохранилищ, предотвращение осадков или их стимулирование за счет введения специальных реагентов в атмосферу и т.д. [1, 42].

В некоторых случаях могут подвергаться локальной деградации отдельные фации и урочища того или иного ландшафта, например, за счет перевыпаса скота или чрезмерной рекреационной нагрузки. Специфической формой последнего является визуальное разграбление ландшафта, когда тот или иной пейзаж или даже специфический ракурс становятся предметом бесчисленного мультиплицирования туристами [21, 22, 54]. Иногда со временем (обычно при снижении антропогенной или скажем вулканической нагрузки) может происходить полная или частичная регенерация фаций, урочищ или всего ландшафта.

Некротизация ландшафта. Более сложным типом деградации ландшафта является его не-

кротизация, заключающаяся в том, что уменьшается жизненаполненность ландшафта. Она может проявляться в разных формах.

Более простым и наглядным является ситуации, при которой сохраняется строение организма ландшафта, но в нём становится всё меньше ситуаций нарушения свойственных этому ландшафту регулярностей. В неантропогенном ландшафте выявить такое положение дел можно за счет кропотливого анализа длинных временных рядов данных по большому набору характеристик. В антропогенных или испытывающих значительное антропогенное влияние ландшафтах это с очевидностью присутствует в случаях, когда человек стремится жестко зарегулировать идущие в нём процессы, причем зарегулировать обеспечивая не только постоянные параметры ландшафта, но и их закономерные колебания (уровень грунтовых вод, сроки полива, сева и сбора урожая, косьбы, время включения/выключения освещения населённых пунктов и путей сообщения и т.д.).

Такая зарегулированность и сверхзарегулированность может быть отчасти приемлема для глубоко урбанизированных территорий с по сути дела техногенно синтезированным ландшафтом и видами деятельности в большой мере независящими от процессов смены дня и ночи [33], времен года, погодных условий и т.д. Такой с технологической точки зрения идеальный вариант функционирования, однако, с неизбежностью приводит к катастрофам (так, перебои с элетро- и водоснабжением, в работе связи и т.д. в Германии или США приводят к гораздо более ощутимым для населения проблемам, чем в Греции или России, в городах они проявляются ярче, чем в сельской местности и т.д.) или заводит в тупик (совершенство и сложность функционирования требуют высокой специализации, уменьшая способность к адаптации, в особенности, к адаптации к среде с непредсказуемыми свойствами [83]). В итоге относительно незначительные изменения условий функционирования могут разрушить весь организм (привести к тотальному отруплению), на котором как на субстрате только и может обнаружить себя жизнь (например, образование трупа города как совершенного культурного ландшафта если он какое-то время оказывается без источников энергии).

Яркой формой некротизации является планирование проявлений жизни — планирование творчества (художественного, технического, научного, педагогического и т.д.), любви, рождения детей, подвигов и т.д. Во всех таких случаях речь идет об имитации жизни как форме некротизации, которые будут рассмотрены далее.

Применительно к агроландшафтам [44], которые потенциально могут быть высоко витальными в силу самого факта присутствия в них большого числа живых организмов, это будет выражаться в стремлении к тому, чтобы жестко планировать и регламентировать все агро- и зоотехнические мероприятия безотносительно к погодным условиям, кратковременным вариациям климата, текущей эпидемиологической ситуации и даже к специфике географического положения в ландшафте. Видимо именно необходимость приноравливаться к непредсказуемости варьирования указанных обстоятельств и дала основание классикам марксизма говорить об «идиотизм[е] деревенской жизни» [39, с. 428], объявляя крестьянина мелким собственником и скорбя о невозможности высокой концентрации сельского пролетариата. Это предвосхитило и все провалы СССР в сфере производства продуктов питания, которые были обеспечены централизованных плановым способом ведения хозяйства. Указанная некротичность планирования ярко демонстрирует прин-ципиальную несовместимость марксизма с жизнью, не исключая его утилитарную пригодность для обеспечения функционирования созданного организма в течении некоторого (не очень большого) времени за счет привлечения значительных ресурсов.

Ландшафт-нежить. Более глубокая некротизация ландшафта проявляется в его превращении в нежить [76]. Под нежитью понимается такой наделённый разумом организм, который замечательно функционирует, но в котором нет проявлений жизни, что осознаётся им и поэтому он начинает придумывать мероприятия по демонстрации жизни (например, мечтая о протезировании души), которые с неизбежностью оказываются более или менее искусной её имитацией. Применительно к ландшафту о нежити можно говорить в случае культурного ландшафта, который заселен преимущественно людьми-нежитями. Таким, например, является образцовый советский город, представленный, скажем, в кинокомедиях Г.В. Александрова, в котором нет больных и больниц, покойников и кладбищ, рожениц и родильниц, нищих и богатых, верующих и священников, а соответственно, и храмов, обидчиков и обиженных, где все постоянно бодры и веселы, светит солнце и нет ненастья и т.д. Воплощения таких городов приходилось видеть в Кировске на Кольском полуострове или в Набережных Челнах 1980-х гг. Другой эталон такого ландшафта — Диснейленд в качестве идеального образца города массовой культуры, в котором при отсутствии будней постоянно присутствует праздничный карнавал. Имен-

но желание демонстрировать отсутствующую жизнь и обеспечивает свойственный городу бешенный ритм жизни, который только усугубляется занятиями физкультурой на свежем воздухе, коллективными гуляниями босиком по росистой траве или шествиями к лесному ручью за ключевой водой (ср. описываемый Стругацкими курортный город и дрожки в нем [68]).

Ещё более сложные формы некротизации сопряжены с более или менее глубокими дисфункциями организма.

Одним вариантом такого процесса является последовательно увеличивающееся локальное отрупление организма при сохранении в нем проявления витальности. Такую ситуацию описывает Б.Л. Пастернак, характеризуя одну из двух групп посетителей библиотеки в Юрятине (Перми): «старожилы из местной интеллигенции, … среди которых преобладали женщины, бедно одетые, переставшие следить за собой и опустившиеся, были нездоровые, вытянувшиеся лица, обрюзгшие по разным причинам, — от голода, от разлития желчи, от отеков водянки. Это были завсегдатаи читальни, лично-знакомые с библиотечными служащими и чувствовавшие себя здесь, как дома» [46, с. 286].

Дальнейшие фазы этого процесса описаны в стихотворении Е.Ф. Куниной «Дольше всего продержалась душа»:

Ум старика подается, скрипит,
Глохнет, немеет, ночами не спит,
Память — лохмотья, изъедена ткань,
Первая жалкая возрасту дань.
Тело? О теле и не говорит,
Просит пощады у каждой зари… [35].

Исключительно важным является то, что присутствующая в душе искра жизни позволяет отдельно взятому человеку включится в процесс трансформации организма, сопряженный с расцветом жизни, освобождённой от плоти. Если же такие наполненные жизнью люди собираются вместе, то они могут наполнить жизнью, витализировать и весь ландшафт, в котором они пребывают, что видно, например, в сложившемся на месте пустыни ландшафте современного Израиля.

Подобным образом проявляется и витальность растений, которые могут пробиваться через камни, асфальт и бетон городов, охватывая всё новые и новые кварталы заброшенных городов, теряющихся со временем в джунглях (типа Ангкора или Мачу-Пикчу).

Упрощение ландшафта как форма некротизации. Под упрощением ландшафта понимается уменьшение разнообразия структурных, процессуальных, информационных и прочих его составляющих, увеличение его однородности, утрата не только самой гетерогенности, но и упорядоченности перехода от одного его компонента к другому. Совокупность перечисленных особенностей позволяет квалифицировать такой ландшафт в сравнении с исходным для него как отруплённый в значительной степени. Однако, такой упрощённый ландшафт, обладающий меньшим набором регулярностей допускает и меньшее число нарушений этих регулярностей, т.е. оказывается менее жизненаполненным, т.е. некротизированным. Подобная ситуация характерна для территорий интенсивного возделывания монокультур или ландшафтов с высокой степенью индустриализации (прежде всего, за счет предприятий тяжёлого машиностроения, металлургических и химических производств). Показателен в этом отношении юг Дальнего востока России с его довольной разнообразным ландшафтом, подобный которому превращается в однородные монокультурные долины агроландшафтов северного Китая (в противоположность очень сложному ландшафту Японии — ср. [25]).

Кадавризация ландшафта. Кадавр в трактовке А.Н. и Б.Н. Стругацких [68] — предельно некротизированный и отрупленный, радикально дисфункциональный организм, у которого сохранён и гипертрофирован минимальный набор функций, причем статус этого организма как почти что трупа рано или поздно оказывается проявлен. Таковы мумии правителей деспотий и тотальных режимов в их пирамидах и мавзолеях, единственная функция которых и заключается в том, что они только и требуют демонстрации их почитания: «Сколько надо кумача для злодея Ильича?!» (К.А. Даниленко — ленинградский школьник конца 1960-х гг.). При этом эти пирамиды и мавзолеи имеют такие размеры, что они оказываются крупными самостоятельными компонентами культурного ландшафта — центрами площадей, районами городов, самостоятельными ландшафтами (прилежащая к стене Кремля юго-западная часть Красной площади в Москве, плато Гиза, Саньянская Долина Пирамид и т.д.). Окончание же исторической эпохи и попадание таких сооружений в окружение другой культуры превращает такие кадавры просто в трупы и проблематизирует «права» этих трупов на организацию окружающего ландшафта.

Сложные формы взаимодействия некротизации, отрупления, функционирования и витализации ландшафта

В предыдущих разделах были рассмотрены свойственные ландшафту особенности, связанные с проявлением каждого из членов ос-

новополагающей тетрады. Теперь можно рассмотреть как они сочетаются в более сложно организованных ландшафтах.

Некрогенные ландшафты. Радикальная алармистская охрана ландшафта [19, 22], музеефикация или консервация ландшафта, которые осуществляются с целью сохранения отдельных природно-культурных памятников, исторического наследия в целом, коммерческого экспонирования или «элитной» рекреации (типа охоты на львов или слонов) является не только крайним проявлением некрофилии, но и разрушением организма ландшафта. Последнее имеет место в связи с тем, что в соответствии с фундаментальными свойствами ландшафта в нём должны происходить закономерные изменения свойств, связанные с сукцессиями биоценозов, изменениями форм рельефа под действием выветривания (что приводит к изменению структуры катен), 111/2-годичным лунным циклом гидрометеорологических и геологических процессов и т.д. Осмысленная же охрана и музеефикация ландшафтов и их компонентов должна учитывать не только неизбежность таких изменений, но и допускать в ходе них активные целенаправленные изменения ландшафта, облагораживающие его (уничтожение паразитов, оптимизация гидрологического режима, урбанистической нагрузки и т.д. — ср. реализацию программы очистки Рейна, избавление от малярии Колхидской низменности, почвоукрепляющие посадки в зонах интенсивной денудации почвы и т.д.).

Танатофилия как проявление психической акцентуации (иногда усугубленная пессимистическим романтизмом), направленной на трупы (человека, других животных, но в принципе и ландшафта), не столь широко распространена (в отличии от граничащей с ней тафофилии), чтобы вносить заметный клад в лицо ландшафта. Однако, присущее определённой части чиновников и военных, желание видеть ландшафт в виде трупа (будь то описанный выше идеальный эпоксидный плац или геометрически правильный сад из картонных деревьев с крашенной травой) является ничем иных, как проявлением танатофилии [82].

Иначе обстоит дело с тафофилией. Казалось бы невозможно говорить о ней применительно к ландшафту, поскольку сложно представить не только похороны трупа ландшафта, но и сам этот труп. Но в действительности это не такая уж редкость, в особенности применительно к культурному ландшафту.

Речь идет о ситуациях, когда предстоят радикальные изменения значительных территорий и это затрагивает живые интересы населения, обитающего в этом ландшафте. Таковы будут городская или промышленная (включая строительство космодромов, аэропортов с аэродромами, подъездными путями и сопутствующей инфраструктурой, гоночных трасс и т.д.) застройка сельского ландшафта (охватывающая, среди прочего, и находящиеся на застраиваемой территории деревни и сёла), транспортное строительство (железные дороги с их вокзалами, депо, мастерскими, складскими помещениями, автобаны с многоуровневыми развязками и дорожной сетью нескольких уровней разветвлённости, судоходные каналы и шлюзы и т.д.), строительство плотин с примыкающими к ним водохранилищами и т.д., а также зоны отчуждения ядерных катастроф и испытаний (вокруг Чернобыля, вблизи Семипалатинска, Кыштыма, на Новой Земле). Во всех этих случаях идёт речь о переселении населения, перенесении на новое место, разрушении, реконструкции и перепрофилировании его жилья, перемещения или утилизации его скарба и домашних животных, сносе или перенесении памятников, кладбищ и других сакрализованных объектов, изменении характера оперирования с топонимами и адресами, а в более отдаленной перспективе и с обращением с исторической памятью переселяемого населения и т.д. Так или иначе в какой-то момент население должно покинуть обжитый им ландшафт, унося, уводя и вывозя то, что оно намерено использовать на новом месте (включая какую-то часть построек, несобранного урожая, культурных и дикорастущих деревьев и кустарников, скота, особо ценных диких животных), осуществляется вырубка или пал садов и лесов, демонтаж некоторых остающихся построек и т.д. В итоге перед затоплением, застройкой, началом испытаний и т.д. возникает то состояние ландшафта, которое вполне уместно назвать трупом ландшафта (нужно заметить, что на таких территориях существуют и трупы кладбищ). В этом ряду стоят, например, ландшафты, затопленные Камским водохранилищем. Нечто подобное возможно и при отступлении войск, когда неприятелю оставляются взорванные объекты инфраструктуры (мосты, плотины, электростанции, пути сообщения), сожженные города и сёла, увозится население и угоняется скот, вывозится чернозёмный слой почвы (например, с Украины в Германию во время Второй мировой войны) или обломки взорванных зданий (в качестве строительного материала из Восточной Пруссии в СССР в тоже время) и т.д.

Конечно для какой-то (иногда весьма значительной — как в случае сдачи территории неприятелю) части населения такое расставание с родным и/или привычным ландшафтом событие весьма эмоционально насыщенное и обычно даже болезненное. Поэтому оно сопровождается какими-то импровизированны-

ми или устоявшимися актами бытовой обрядовости, что вполне объяснимо (т.к. позволяет перенести человеку выпадающие на его долю потрясения — даже если они и желаемы, например, появляется шанс получить благоустроенное жильё).

Однако это может приобретать и гипертрофированные, болезненно-ностальгические формы. Так, например, в Советском союзе сложился своеобразный обряд (менявшийся со временем в соответствие с версией господствовавшей идеологии) прощания с ландшафтом, своего рода похороны ландшафта перед его затоплением (образец чего описан В.Г. Распутиным в повести «Прощание с Матёрой»), существовала особая эстетизация и поэтизация затопленной колокольни Калязина, судьба затопленных городов и сёл соотносилась с градом Китежем и т.д. Совокупность всех перечисленных обстоятельств свидетельствует о том, что в отечественной культуре существует самостоятельная струя, которую можно квалифицировать как ландшафтную тафофилию — любовь к кладбищам ландшафтов, похоронам ландшафтов, ритуалам их поминовения (например, ежегодный спуск на воду траурных венков над затопленными городами как это делает землячество жителей Мологи и их потомков [9]), связанным с этим аксессуарам (венки, траурные ленты, предметы обихода с памятной символикой и т.д.).

Само собой разумеется, что нечто подобное описанному происходило и происходит в случае стихийный бедствий — землетрясений, ураганов, цунами, техногенных катастроф и т.д. Однако, скорость протекания процессов в этом случае столь велики, что ни о каком осознаваемом взаимодействии с трупом ландшафта или его погребении речи быть не может. Соответственно, нет условий для проявления в какой бы то ни было форме и танатофилии. Тафофилия же в этих случаях может проявляться также как и при предварительно подготовленном уничтожении ландшафта и его компонентов.

Конечно, описанные изменения ландшафта всегда имели место в истории ландшафтов Земли (да и других планет). Так, геологи тщательно отмечают при описании геологического строения той или иной местности наличие погребённых кор выветривания и погребённых почв. В палеоэкологии, как уже говорилось, рассматриваются стадии фоссилизации биоценозов — танатоценозы, тафоценозы и ориктоценозы [15]. Однако подобного систематического рассмотрения смерти и трупа ландшафта во всей его целостности не существует. Некоторые философско-методологические основания для этого представлены в работах А.В. Гогина [11].

Кладбища как тафогенные ландшафты. Представляя собой особые урочища в сельских местностях, в больших города и мегалополисах громадные по территории кладбища превращаются в самостоятельные особые ландшафты, со своими реками и их поймами, плакором, озерами, холмами, низинами, транспортными путями нескольких уровней, тенистыми и солнечными, засушливыми и переувлажнёнными фациями и местностями, характерными суточными и сезонными миграциями животных и суточными, недельными и годичными миграциями людей и т.д. В любом случае они представляют в рассматриваемом аспекте особый интерес поскольку позволяют в концентрированном виде рассмотреть соотношение в ландшафте разных разрядов организмов с их функционированием (включая трупообразование) со свойственными каждому из них проявлениями жизни и смерти и их взаимоотношения.

Главным, ландшафтообразующим компонентом кладбища являются трупы людей. При захоронении трупов, не подвергшихся кремации, даже если они подвергаются обычным приёмам консервации и бальзамирования, решающим является то, что захоранивается значительная масса органики, являющая замечательным субстратом для расцвета микробной жизни, лежащей в основе развития всего почвенного биоценоза. При захоронении кремированных останков в почву вносится ощутимый дополнительный резерв минеральных веществ. Наличие гробов или урн для праха несколько замедляет начальные фазы деятельности организмов-редуцентов (микроорганизмов, грибов, червей, личинок и имаго насекомых и т.д.). Однако, через некоторое время останки (как и органические детали гробов и урн) становятся значимым фактором процессов кладбищенского почвообразования.

Вторым важным компонентом кладбищенского ландшафта (если речь не идёт, скажем, о традиционных иудейских кладбищах) являются намогильные растения — цветущие или формирующие газон. Набор этих растений довольно строго ограничен и определяется как лёгкостью необходимой для их выращивания агротехники, способностью конкурировать с сорняками, выживаемостью в условиях городской среды и т.д., так и модой и культурными традициями. Последние включают в себя и представление о том, что определённые растения могут активно участвовать в жизни умерших, помогая осуществлять связь тел и душ. Так или иначе такие растения формируют своеобразные агроценозы, продукция которых систематически не изымается полностью из ландшафта (поэтому-то на кладбищах и бывает «самая сладкая земляника»).

Третьим важнейшим компонентом многих кладбищ являются деревья и крупные кустарники, разнообразие которых часто значительно превышает разнообразие древесной растительности лесов и даже парков той же местности. Именно поэтому кладбища оказываются своеобразным рефугиумом для гнездящихся в кроне и дуплах птиц, летучих мышей, грызунов (беличьих) и т.д., причем дополнительным фактом привлекательности для них является отсутствие на кладбищах охоты или осуществляемого в других местностях истребления сорных птиц (отсюда характерные для кладбищ колонии ворон). Вполне понятно, что такое разнообразие микроорганизмов, растений и обитающих в кронах деревьев относительно крупных животных обеспечивает разнообразие и обилие других компонентов кладбищенских биоценозов. Однако, это разнообразие имеет свои ограничения. Так, на кладбищах не будет крупных хищников типа медведей или волков, в сельской местности на действующих кладбищах только спорадически выпасается домашний скот (в отличии от недействующих кладбищ и кладбищ других народов, существующих на той же территории, как например выпас коз на еврейских кладбищах Западной Украины) и т.д.

И, наконец, четвёртым компонентом кладбищ является человек во всём многообразии его активности. Живые люди хоронят и чтут своих предков, время от времени посещая их могилы и ухаживая за ними, работают служителями кладбищ и могильщиками, организуют кладбищенский бизнес и устраивают похоронные и поминальные церемонии, отпевают умерших и служат панихиды, изучают кладбища и пишут их историю, занимаясь некрополистикой [10, 29] или историей погребений (включая изучение эпитафий — объект эпиграфики [73] — и надгробной скульптуры), пишут кладбищенские пейзажи и изучают биоценозы кладбищ, гуляют на кладбищах, слушая пение птиц и предаваясь размышлениям о смысле жизни, и т.д. и т.п. Среди этих людей есть и вполне психически уравновешенные «обыватели» (самых разных сословий, социальных статусов и профессиональных занятий), которые нечасто бывают на кладбищах, и постоянно связанные с ними профессионалы (служители кладбищенских служб, ученые, художники, краеведы и т.д.), и девиантные некротические личности, сочетающие тафофилическую преданность почившим с безразличием и даже недоброжелательством к живущим, в том числе, своим близким [81], и местные блаженные, и просто обездоленные попрошайки.

Кроме этого поверхность и толща почвы на кладбищах насыщена металлическими, каменными, бетонными, деревянными и прочими фрагментами разрушенных надгробий и ограждений, местами перекрытыми кучами мусора и полуразложившейся лесной подстилкой. При этом кладбища отличаются тишиной и спокойствием, некоторой отдалённостью от мирской суеты, находясь порою даже в центре многомиллионного города.

Тем самым кладбища оказываются сосредоточением самых разных организмов — живых и мертвых (трупов), находящихся на разных стадиях развития, разложения и фоссилизации — и самой разной жизни и смерти организмов разных разрядов, которые — жизнь и смерть — разливаются по этому своеобразному ландшафту (урочищу), обеспечивая активность (как жизнь, так и функционирование) то одних, то других его компонентов. При этом трупы человека являются субстратом для развития различных редуцентов, деятельность которых обеспечивает в конечном счете благоприятные условия для развития растений-продуцентов. Последние обеспечиваются (хотя и противоположно направленной по отношению к высаживаемым растениям и «сорнякам») и целенаправленной деятельностью людей, которые следят за тем, чтобы облик кладбища соответствовал принятым социокультурным нормам и стандартам. Последние предполагают и то, что на кладбищах постоянно звучат поминовения усопших, включая молитвы, что делает кладбища местом интенсивной духовной жизни. Изредка на кладбищах открываются мощи святых, которые в таком случае эксгумируются и переносятся в храмы. Становясь мощами трупы оказываются источником интенсивной духовной жизни [51], а сохранение мощей оказывается еще одной сферой социокультурной активности. Говоря об этом (как и в целом о кладбищах) надо иметь в виду и сведения (правда, противоречивые) о наличии кладбищ у африканских слонов [96], что делает рассмотрение кладбищ как тафогенного ландшафта ещё более принципиально важным.

Проблема сравнения жизненаполненностей ландшафта

Довольно подробное рассмотрение некротических ландшафтов и кладбищ как тафогенных ландшафтов позволяет продемонстрировать остроту проблемы сравнения жизненаполненостей ландшафтов, от того или иного разрешения которой зависит суждение о том, витализация или некротизация ландшафта имеет место в том или ином случае. Принципиальный ответ на этот вопрос прост — необходимо обнаружить увеличивается ли или уменьшается число непредсказу-

емых нарушений регулярностей, свойственных функционированию ландшафта. Однако в виду того, что та или иная регулярность может описываться неопределённо длинным алгоритмом, вопрос об отличии подчиненности активности организма некоторому алгоритму от нарушения подчинения ему оказывается напрямую эмпирически неразрешимым. Адекватно корректными в такой ситуации будут только экспертные оценки, которые, однако, всегда могут быть поставлены под сомнение. Поэтому приходится прибегать к каким-то иным способам квалификации положения дел, причем к способам такой квалификации может быть несколько подходов.

Прежде чем переходить к их рассмотрению, следует ещё раз обратиться к сути развиваемых представлений о жизни, организме, смерти и трупе на материале двух однотипных примеров. Оба они относятся к событиям, связанным с общественным транспортом в Ленинграде и Санкт-Петербурге.

Общественный транспорт, движущийся с некоторой регулярностью по известным маршрутам является неотъемлемой частью культурного ландшафта современного города. Для его нормального функционирования важен не только факт такого движения, но и осведомленность участников движения как о стандартных маршрутах того или иного вида транспорта, так и конкретной машины, находящейся на маршруте в данный момент (сообщается водителем, кондуктором, надписями, информацией на экране или каким-то другим автоматическим устройством). С этой точки зрения и являются контрастными следующие примеры.

Первый из них относится к концу 1970-х или началу 1980-х гг. Проезжая в троллейбусе (скорее всего, маршрута № 15) автор услышал не только сообщение водителя об остановках, но и рассказ об истории и достопримечательностях прилегающих к остановкам территорий и такие случаи повторялись два или три раза (об этом водителе потом был и рассказ по Ленинградскому радио; аналогичная история с водителем троллейбуса маршрута № 15 в Москве Андреевым в начале 1960-х гг. [8]). Примерно в тоже время на другом маршруте водитель подробно рассказывал о возможных пересадках на каждой остановке.

Второй пример относится к сентябрю 2015 г., когда автору за один день при передвижении по хорошо известным районам города пришлось воспользоваться несколькими маршрутками. Все водители были приезжими и судя по всему плохо понимали русский язык, в частности, путаясь в семантике русских предлогов, передающих пространственные отношения. В результате доехать в нужные места не удалось ни разу, хотя позже выяснялось, что маршрутки мимо них шли.

В обеих сериях ситуаций имели место нарушения регулярностей, правда разных типов.

В первой серии нарушение регулярностей выражалось в том, что к регулярным событиям, которые шли своей чередой (троллейбус двигался по маршруту, остановки объявлялись и объявления соответствовали остановкам), т.е. при сохранении полноценного функционирования организма, прибавлялось неожиданное сообщение сведений, которые могли быть интересными и/или полезными, что и выступало как проявление жизни.

Во второй серии нарушение регулярности заключалось в разрушении самой регулярности — водитель был не в состоянии вразумительно рассказать о маршруте следования. Одна из неотъемлемых функций общественного транспорта при этом не реализовывалась, что даёт основании говорить не только о некротизации, но даже об отруплении транспортного организма.

Следует заметить, что однозначно квалифицировать ситуации первой серии как витализацию строго говоря нет оснований — для этого нужны дополнительные сведения. Дело в том, что, возможно, это были ситуации, когда водитель читал (произносил наизусть) заранее заученный текст. Тогда это вариант функционирования, а не витализации. Однако, когда-то кому-то (водителю, работнику троллейбусного парка) пришла в голову эта идея и именно появление этой идеи, а также активность по её реализации и были проявлениями витализации, которые привели к совершенствованию функционирования (именно такими, правда относящимися только к возможным пересадкам и времени их совершения, являются сообщения в поездах и городском транспорте в Европе, например, в Германии). Но возможно, что каждый раз это была импровизация и тогда каждая реплика водителя была витализирована. Степень же этой витализации различна в зависимости от того, в какой мере эти реплики были вариациями единого образца такого сообщения.

Последняя дилемма иллюстрирует и соотношение мест экспертных оценок и методов в суждениях о витальности (некротичности). Наблюдение ситуации приводит к экспертному заключению о проявлении в ней жизни. Поскольку как проявлении жизни трактуется нарушение регулярности функционирования, то методически подтвердить это невозможно. Однако, можно попытаться продемонстрировать что такое нарушение регулярности является закономерным. В таком случае то, что казалось проявлением жизни, будет выступать как ещё

одна особенность функционирования. Учитывая это, можно указать несколько приемов выявления того, что касается проявления жизни и степени жизненаполненности.

Первый из них заключается в том, что выделяется несколько разрядов жизнепроявлений, «жизней» и выстраивается порядковая шкала жизненополненностей внутри каждого разряда. Так, небольшая деревня, населённая стариками, заведомо меньше наполнена социокультурной жизнью, чем районный центр, в котором время от времени что-то происходит, средневековый город более наполнен экономической жизнью, чем древний монастырь и т.д. Идя по такому пути можно каждый ландшафт характеризовать многомерным вектором жизненаполненности, каждая из компонент которого будет характеризовать жизненаполненность ландшафта определенным разрядом жизни. Далее можно сопоставлять эти вектора, но вопрос о соотношении весов разных компонент остаётся открытым (скажем, как сравнивать хозяйственную жизненаполненность монастыря с поэтической жизненаполненностью завода). Открытым остается и вопрос о числе выделяемых разрядов жизней.

Второй подход основан на использовании обилия объектов того или иного класса живых существ в ландшафте (выражаемого в количестве экземпляров, их суммарной массе, объёме или других экстенсивных характеристик) как меры жизненаполненности этих существ.

Третий подход заключается в использовании разнообразия компонентов ландшафта как критерия его жизненаполненности. При этом можно раздельно учитывать и разнообразие компонентов, связанных с разными разрядами жизни — тектонической, геохимической, биологической, социокультурной, духовной и т.д. Для реализации этого подхода для оценки, к примеру, интенсивности биологической жизни, экологи используют различные индексы разнообразия (см., напр., [36]). Содержательно близкие индексы разнообразия можно вводить и для других областей, например, основываясь на информационной энтропии Шеннона [48]. При этом следующим уровнем детализации оценки будет учет не только разнообразия компонентов определённого разряда, но и их количественного соотношения. Тогда, например, биоценозы (и ценозы произвольной природы в целом [34]) будут описываться гиперболическими H-распределениями, отвечающими экстремальным принципам, а ассоциации случайно соседствующих организмов (например, на свежих, еще незадернованных, насыпях железных дорог или на свалках) — нет. Кроме того, при использовании таких критериев появляется возможность сравнения наполненностью жизней разных разрядов. При этом, правда, надо отдавать себе отчет в том, что строго говоря такие оценки (как и в предыдущем подходе) будут оценками активности организмов, а не их жизненаполненности, но при допущении квазистационарности существования соответствующих организмов такая оценка может рассматриваться и как мера жизненаполненности.

Четвёртый подход, также относимый уже к функционированию организмов, может заключаться в оценке биологической продуктивности разных ландшафтов. Тогда можно проранжировать, например, по этой характеристике, ландшафтные зоны и говорить о том, что продуктивность (= биологическая жизненаполненность) смешанных лесов (6000 ккал/м^{2}год) больше тундры (около 700 ккал/м^{2}год), а степей (около 2600 ккал/м^{2}год) больше пустынь (около 50 ккал/м^{2}год — [57]). Экономическую жизненаполненность ландшафта аналогично можно оценивать по количеству сосредоточенных на его территории капиталов, а хозяйственную [7] — долей населения, вовлечённого в эталонные для этого ландшафта виды деятельности.

Наконец, пятый подход заключается в том, что принимается иерархия жизненаполненностей жизнепроявлений, соответствующая ослаблению пронизанностью Фаворским светом в согласии с «Физическими главами» св. Григория Паламы [27] или марксистскими формами движения материи [52], рассматриваемыми в обратном порядке: духовное — душевное — биологическое — физическое. Тогда организм, в котором жизнь проявляется в виде духовной жизни более жизненаполнен, чем тот, в котором жизнь проявляется в виде жизни душевно-психической, душевно-психический организм более наполнен жизнью, чем тот, в котором жизнь проявляется в биологической форме, а последний более наполнен жизнью, чем организм, в котором жизнь проявляется только в форме физических процессов [80].

Можно вводить и другие меры жизненаполненности (витализации) ландшафта. Уменьшение жизненаполненности (витализации) будет свидетельствовать о некротизации ландшафта, хотя и можно искать самостоятельные меры некротизации.

Представленный в этом разделе материал не столько указывает на то, как можно оценивать жизне- или смертенаполненность ландшафта, сколько на то, как искать способы такой оценки. Однако, без того или иного способа такой оценки невозможно ответить, скажем, на такой вопрос: «Чем преимущественно наполнено кладбище — жизнью или смертью?».

Конкуренция и конфликт жизненаполненностей ландшафта

Теперь, обладая некоторым интеллектуальным инструментом для анализа подобного материала, можно рассмотреть несколько особо сложных и остро дискуссионных случаев витализации/некротизации ландшафта и отдельных его компонентов.

Первым примером будет большой парк с дворцом (дворцами), подобный императорским паркам Петергофа и Павловска или подмосковного Архангельского (ср. [38]). На первый взгляд может показаться, что такой парк наполнен жизнью в её непосредственной спонтанности. Холмы, водопады, ручьи, фонтаны, шутихи, парковая скульптура и архитектура малых форм (беседки, перголы, павильоны, кенотафы — вот радикальная антитеза затопленным кладбищам!), музыка, фейерверки казалось бы только увеличивают эту спонтанность. Однако на деле оказывается, что холмы, водопады и ручьи — рукотворные и, будучи результатом труда паркового архитектора, предполагают постоянное поддержание в надлежащем состоянии; фонтаны, шутихи и фейерверки являются плодом изощренной инженерной мысли и требуют постоянного привлечения человека для обслуживания их надлежащего функционирования; за деревьями и цветами постоянно ухаживают садовники (которые, в числе прочего, постоянно осуществляют стрижку деревьев, придают их кронам живописный вид, осуществляют прополку, замену однолетников согласно сезону и т.п.) и т.д.. Таким образом, всё существование такого парка в предлагаемом хозяину и его гостям виде насквозь пронизано некротизмом изощрённого заранее предумышленного функционирования.

Назначение такого парка — организация сложной семиотической игры, являющейся неотъемлемой частью дворцовой жизни: в парке в соответствии с законами жанра становится возможным то, что нельзя осуществить в самом дворце — можно позволить себе некоторое послабление в соблюдении норм этикета или нарушить строгость туалета, высказать то, что будет отличаться некоторой дерзостью или особой доверительностью, надеяться не быть услышанным посторонними ушами и проявить особое красноречие обращаясь к единственному слушателю (а попутно еще и продемонстрировать свою учёность и остроумие в распознавании сюжетов парковой скульптуры) — одним словом продемонстрировать то, что называется знанием света и умением вести себя в нем, причем света в его самом сложном — дворцовом — варианте, сущность которого практически непостижима для подавляющего числа современных даже весьма состоятельных людей. При этом чем более изысканным и индивидуализированным оказывается такое поведение, тем выше оказывается неформальный статус его носителя, и именно для осуществления этих подлинно творческих жизненных актов и нужен дворцовый парк, размеры которого могут быть весьма велики, а значимые элементы которого могут организовывать ландшафт измеряемый многими километрами (как видима из многих частей города статуя Геркулеса на вершине холма, с которого спускается горный пейзажный парк Вильгельмсхёэ, переходящий в многокилометровую одноимённую аллею в Касселе).

Непонимание этой семиотической игры может родить у наивного наблюдателя ощущение пасторальной непосредственности видимого ландшафта. В таком случае он может оказаться в неловком положении, подобно наивному зрителю кино, пытающемуся участвовать в действии на экране, и тем самым резко понизить свой статус в социальном организме незнанием «тайн мадридского двора» или даже поплатиться жизнью за попытку охоты на фазанов в таком парке. Таким образом, пронизанный некротизмом дворцовый парк даёт шанс для проявлений жизни ещё одного нового типа, если пребывающее в нём лицо владеет техникой адекватной семиотической игры, и становиться источником смерти в противном случае.

В особом положении в подобном парке оказывается ребенок. С одной стороны, он постоянно готов пребывать в игровой ситуации, с другой — по отношению к нему понижены требования социального контроля и ему позволено играть в «другую» игру. В результате парк становится привлекательным своей высокой витальностью местом детской рекреации (что рассмотрено на примере Летнего сада в Санкт-Петербурге [82]).

Весьма примечательно и то, что наивная позиция по отношению к подобным романтическим паркам Европы, виденным им во время скитаний по дворцам влиятельных покровителей, дала основание Ж.-Ж.Руссо [62] объявить такие ландшафты (дикой) природой в противоположность культуре городов, что породило бессодержательную с момента своего появления новоевропейскую оппозицию естественного и искусственного (ср., однако, традиционное их понимание как состояний до и после грехопадения — [26]).

В целом же надо отметить, что соотношение витальности диких и антропогенных компонентов ландшафта весьма нетривиально даже тогда, когда речь не идет о специфических агроландшафтах. Так, на южном берегу Финско-

го залива почти от самого Санкт-Петербурга до самых западных берегов Эстонии тянется полоса (местами доходящая до ширины в несколько десятков километров) разнотравных лугов, перемежающихся зарослями лещины, ольшаниками и ивняками с вкраплениями климактерических ельников-зеленомошников. Эти луга отличаются самым высоким в умеренном поясе индексом видового разнообразия, включая редкие растения, например, несколько видов орхидных. К ним приурочены и древние районы скотоводства, что зафиксировано в топонимике, связанной с языческим Волосом (Велесом). Однако, это биоразнообразие поддерживается только при одном условии — систематическом сенокосе. В противном случае либо идёт процесс заболачивания, с формированием кочковатого микрорельефа, образованного дерновинами осоковых, либо зарастание ивняком и ольшаником. В обоих случаях биоразнообразие за не-сколько лет резко уменьшается, на дневной поверхности почвы появляются лишённые растительности участки. Таким образом максимальная витальность ландшафта обеспечивается в данном случае традиционной умеренной антропогенной нагрузкой [91]. При этом, однако, надо принять во внимание, что при каждом укосе происходит частичное отрупление несметного числа растений, некоторые из которых в результате гибнут полностью, погибает большое число обитающих в траве насекомых и некоторое количество наземных беспозвоночных, земноводных, птиц, мышеобразных и мелких грызунов и т.д. Однако в итоге получается, что такая смерть некоторого количества организмов оказывается идущей во благо сообществу травостоя как целого.

В качестве второго примера такой многоаспектной противоречивой ситуации можно рассмотреть значимые для ландшафта компоненты — например, артефакты (здания, сооружения, пирамиды, стелы и т.д.) или морены, крупные валуны, отдельно стоящие приметные деревья. Каков вклад этих компонентов в витальность или некротизм ландшафта? Каковы витальность и некротизм их самих?

Так, любое заброшенное, запущенное, разрушенное, неполностью демонтированное здание или сооружение (как и их группа) конечно же несёт на себе след некротизма, поскольку факт частичного отрупления в данном случае налицо. Но в каком-нибудь монотонном ландшафте тундры, степи или пустыни эта же руина может оказаться самым витальным компонентом ландшафта. Витальность такой руине может быть придана и её особой живописностью, что особенно детально разрабатывалось в эстетике романтизма (ср. сюжет о засохшем дубе во втором томе «Войны и мира» Л.Н. Толстого). Таким образом в зависимости от того, какие критерии жизненаполненности будут привлекаться, а главное какие способы соотнесения разных жизненаполненностей будут использованы, суждения о витальности/некротизме такого сооружения будут различаться.

Очень часто подобные коллизии возникают тогда, когда решается вопрос о сохранении, сносе или воссоздании заново какого-либо безусловно ценного памятника. При этом, скажем, «научная реставрация» (а на деле в большой мере воссоздание заново) Петергофа или Царского села и полное воссоздание строений и интерьеров пушкинских Михайловского, Тригорского и Петровского оказались принятыми (в них удалось вдохнуть жизнь, правда какую?), а реставрация московского Царицына вызывает острые дискуссии и отторжение, и оно кажется некротичным.

Весьма примечателен пример главного здания Московского государственного университета (далее МГУ) и входящих в его ансамбль зданий физического, химического и биологического факультетов. Безусловно, оно является опорной точкой огромного культурного ландшафта на юго-западе Москвы и в этом отношении не уступает касселевскому Геркулесу. Однако он занял местность (ландшафт) Воробьёвых гор, весьма значимую для культурной (литературной в частности) истории не только Москвы, но и всей России (взять хотя бы страницы посвященные им в «Былом и думах» А.И. Герцена). Кроме того, строительство МГУ было осуществлено на территории, объявленной ныне природным заповедником, не говоря уже о разрушенных поселениях этой местности и геологических подвижках высокого берега Москвы-реки. Но самым большой вклад в некротизм МГУ вносит его строительство зеками ГУЛАГа, что оказалось закреплённым в наименовании частей зданий зонами, равно как и в существующем охранном режиме в сочетании низкими потолками значительной части помещений и узкими, почти щелевидными окнами (например, в общежитиях), напоминающими крепостные бойницы. Отдельно можно обсуждать место МГУ в ряду других сталинских высоток, ставших составной частью плана некротизации Москвы при превращении ее в столицу тоталитарной империи. Все это завершалось переименованием местности в Ленинские горы (по кличке создателя государства, официально организовавшего «красный террор» [53]), так что МГУ в итоге выступает не только как памятник усатому тирану, но и как надгробие всему СССР — стране, готовой приносить в жертву одержимым похотью власти десятки миллионов жизней и надорвавшейся в итоге

в своей непомерной спеси. При этом по объему камня и строительных работ МГУ может сравниться с самыми большими надгробиями — египетскими пирамидами, так что скопления камня на Воробьёвых горах просуществуют ещё не одно тысячелетие.

Особые коллизии витальности/некротичности ландшафта возникают при смене предназначения его маркированных компонентов. Так, в СССР постоянно происходило закрытие храмов и монастырей, а их здания использовались для других целей. Скажем, нередкими были ситуации превращения сакральных ландшафтов (таких как Соловецкие острова, Валаам, Сергиев Посад и его окрестности, Саров) в лагеря, тюрьмы, колонии малолетних преступников, места разработки и испытания оружия массового поражения (Сергиев Посад — бактериологического и химического, Саров — ядерного) и т.д., с разрушением колоколен, маковок храмов, окутыванием колючей проволокой, военизированной охраной, пропускным режимов и т.д. [22, 31].

Очередная волна государственного атеизма во времена хрущевской оттепели ознаменовалась массовым закрытием храмов, но сохранением их зданий, осознаваемых как памятники архитектуры. В результате (вместе с теми, которые остались от предыдущих десятилетий атеизма) на территории СССР оказалось огромное количество архитектурных сооружений, лишённых какого-либо назначения. Это были подлинные трупы храмов и монастырей, причем часто имеющих ключевое положение как в городском, так и в сельском ландшафте. Поэтому остро встал вопрос о судьбе этих трупов — то ли они подлежат уничтожению, а территория под ними — реновации, то ли изменению их использования, причём выбор того или иного варианта был предметом жёстких дискуссий, в то время как сторонники обеих точек зрения не допускали, что когда-нибудь эти сооружения будут использованы по назначению. Если удавалось отстоять вторую точку зрения, то сооружение могло начать использоваться практически любым способом — как склад, зернохранилище, машинно-тракторная станция (МТС), кинотеатр, ресторан, отхожее место и т.д. Урочище или местность, композиционным центром которого — причём центром, тщательно выбранном строителем храма — оказывается отхожее место или тюрьма, устроенные в этом храме, становится содержательно и эстетически уничтоженными, превращёнными в радикально некротизированный труп. Другой вариант подобного преобразования — превращение в советское время храма (скажем, храма дореволюционной больницы) в очевидно некротичные морг или прозекторскую, которые могут в этом случае оказаться центром архитектурного ансамбля и организуемого им ландшафта. Однако важно, что сохранённые хотя бы в таком виде трупы храмов в настоящее время вовлечены в процесс ревитализации, пусть даже не всегда уместной и удачной.

Противоположная ситуация — ландшафт, значимым компонентом которого является, скажем, отхожее место, превращённое в ресторан (случаи реализации чего также известны) — для старожилов будет предметом насмешек и презрения, что делает такой ландшафт лишённым полноценной витальности по крайнем мере до того времени, пока сменится поколение, помнящее, что там было отхожее место. Нечто подобное происходит, когда в центре ландшафта оказывается лобное место, крематорий или тюрьма. Так, наличие двух тюрем — Петропавловской крепости (прошлой) и «Крестов» (действующей, хотя и превращаемой ныне в музей) — в качестве организаторов архитектурных ансамблей двух центральных районов Санкт-Петербурга вносит значительный вклад в общую некротическую атмосферу Северной столицы.

Последний вопрос заслуживает несколько большего внимания. Может показаться, что тюрьма, сумасшедший дом, интернат для хроников, хоспис и т.д. вообще не являются компонентами ландшафта и могут быть расположены где угодно. Однако, очевидно, что это не так, причём очевидно со всё большей ясностью с самых разных точек зрения — общегуманистической, политико-идеологической (подальше убрать с глаз), экономической (из-за стоимости содержания таких объектов в центре городов), санитарно-гигиенической (источник инфекций), полицейско-военной (источник опасности, в частности из пусть и очень редких побегов) и т.д. Но рассмотрение этих аспектов обнаруживает очевидное влияние подобных объектов на ландшафт, в т.ч. и на его некротизацию. Поэтому, скажем лагеря содержания смертников, такие как «Белый лебедь» и «Чёрный дельфин» являются очевидными факторами некротизации ландшафта.

Вместе с тем, ситуация оказывается ещё более сложной. Заключённые, пациенты хосписов, сотрудники моргов могут быть вовлечены (по собственной инициативе, иногда преследуемой, или поощряемые администрацией) в активную творческую деятельность во имя жизни. В подобным местах могут писаться книги, совершаться открытия, создаваться религиозные, философские и политические доктрины, делаться изобретения, создаваться театральные постановки, складываться специфический фольклор и т.д. и и.п. При определённом сте-

чении обстоятельств интенсивность всего этого может оказаться даже выше, чем в, казалось бы, более подходящих условиях, а иногда может быть организован процесс коллективного творчества (как это было в знаменитом Соловецком лагере особого назначения — СЛОН — НКВД или в институтах-шарашках сталинского времени), что вносит соответствующий вклад в витализацию ландшафта, особо ярко выражающую в создании музеев тюрем (например, музей ГУЛАГа «Пермь-36» со всеми проблемами его существования) возведении храмов (например, Храм святых Новомучеников и Исповедников Российских на Бутовском полигоне), организации постоянного поминовения заключённых и погибших, поддержание памяти о них (так, Девятнадцатого кислева — дату освобождения Раби Шнеур-Залмана бар-Баруха из Петропавловской крепости — последователи ХАБАДа до сих пор ежегодно празднуют, называя этот день «хасидским новым годом»).

Подобные преобразования могут происходить и без всякого вмешательства властей. Так, пещера Психиридиса, расположенная на острове Сирос в Эгейском море, в которой у него учился Пифагор, превращена местными жителями в отхожее место, к которому советуют не приближаться из-за свойственного ему зловония и скопления нечистот. Очевидно, что это смердящий труп, причём в известном смысле труп всей европейской культуры. Ландшафт, в котором, находиться эта пещера также оказывается некротизированным, т.к. сама возможность такой ситуации демонстрирует, что строй мысли Пифагора не воспринимается местным населением как имеющий к ним какое-то отношение.

Подобная активность (инертность) проявляется и в современной России. Легализация самой идеи приватизации всего, что возможно, в сочетании с пассивностью правоохранительных органов породило такую неоязыческую практику, как почитание мест гибели (что не свойственно, скажем христианским или светским традициям) автомобилистов, что внесло в ландшафт дополнительную некротическую разметку автодорог. Примечательно, что такая неоязыческая практика не вызывает противодействия со стороны старожилов соответствующих ландшафтов, хотя де факто эти ландшафты перестают восприниматься этими старожилами как «свои».

Кроме всего прочего такое положение дел является индикатором трансформация одного культурного ландшафта — который можно обозначить как советское обитаемое пространство [22] — в другой — неоязыческий, причем трансформация без тотального отрупления.

Подобного рода трансформации — один из двух основных типов беструпных преобразований ландшафта (как и других организмов), при котором происходит замена одних компонентов ландшафта компонентами других типов (в отличии от возобновления, при котором происходит замещение старых компонентов новыми того же типа). Очевидно, что при возобновлении ландшафта соотношение его витальности/некротизма практически не меняется. При трансформации ситуация оказывается не столь определённой.

Витализация/некротизация ландшафта при его трансформации

Начинается трансформация с того, что в ландшафте появляются единичные представители компонентов тех типов, которых не было ранее в этом ландшафте (например, борщевика Сосновского — мести Сталина — в центральных и северо-западных областях России [3, 49] или мечетей и сельских домов татарского типа на Северо-Западе и Севере России). Вначале это может быть незаметно, однако, рано или поздно это обращает на себя внимание. При этом даже единичные экземпляры борщевика или подобных строений могут нарушить целостность ландшафта если они окажутся в какой-либо его фокальной точке — в самой высокой точке данной местности, рядом с дворцом, являющимся композиционным центром пейзажного парка, поблизости удачно поставленной сельской церкви, вблизи заповедной для местного населения рощи и т.д. Очевидно, что в этих случаях будет иметь место как деградация тела ландшафта (он потеряет гармоничность), так и его некротизация. При этом если такой ландшафт был до этого эталоном ландшафта некоторого типа, то в новом состоянии он перестанет быть таковым, что ещё более уменьшит социокультурную компоненту его витальности. Ветшание и руинизация присутствующих на территории данного ландшафта зданий и сооружений, обезвоживание рек, озёр и каналов или гибель деревьев заповедной рощи будет вносит свой вклад в эти процессы некротизации ландшафта и деградации его тела. Однако, совершенно очевидно, что через какое-то время на этой территории может сложиться новый эталонный тип ландшафта, лишенного лесных массивов, с дорогами и тропинками, обсаженными борщевиком, который будет декоративно подстригаться в течении лета, мечетями, находящимися в фокальных точках такого остепнённого ландшафта, тюркским населением и т.д. В таком случае произойдет восстановление целостности ландшафта — но уже совершенно другого! — и его витализация. Нечто подобное происходило на Северо-Западе нынешней России на рубеже I и II тысячелетий от Р.Х., когда шла христианиза-

ция этих территорий и перераспределение на них германо-скандинавского, финно-угорского и славянского населения [14].

Такая волнообразность и даже цикличность оформления/отрупления тела ландшафта и его витализации/некротизации в общем совершенно понятна, если учесть аналогичные процессы, происходящие с его компонентами. Так, любой присутствующий на той или иной территории биоценоз не существует вечно, а вовлечен в закономерные (квази)циклические преобразования (проблема поликлимакса и смежные дискуссионные вопросы сейчас во внимание не принимаются [45, 58]). Скажем, на Северо-Западе России это будет такой цикл: ельник-беломошник, который по мере возрастной гибели древостоя (вот ситуация видимого отрупления) превращается в сфагновое болото (минимальная биологическая продуктивность), на котором начинается со временем рост березы и осины, под пологом которых, в свою очередь, идет рост елей, обгоняющих в росте берёзы и осины, гибнущие (опять выраженное трупообразование) под тенью елей. При этом происходит закономерная смена продуктивность, выступающей в качестве индикатора жизненаполненности. Нечто подобное происходит и с населением, однако эти процессы описаны пока менее убедительно. Так, в рамках концепции этногенеза Л.Н. Гумилёва в начале цикла имеет место пассионарный толчок, сообщающий энергию (ср. аналогии с развиваемой трактовкой жизни!) процессу этногенеза, по мере затихания которого происходит переход этноса в стационарную или угасающую фазу, после чего этнос уходит с исторической арены, предоставляя место другому народу [12]. Имеют место и циклы погодно-климатических изменений, циклы тектонической активности и т.д. (БАГСТ-циклы — биосферно-атмосферно-гидросферно-статисферно-тектонические), каждый из которых обладает своими характерными временами. Поэтому можно говорить как о витальности/некротичности ландшафта в какой-то период его существования или об интегральной витальности/некротичности ландшафта на всех стадиях его существования.

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении к процессам, происходящим на границах ландшафтных зон, — временно-волнообразным или однонаправленным наступлениям друг на друга тундры и леса, леса и степи (с большей продуктивностью <= жизненаполненностью > леса в обоих случаях), степи и пустыни (с большей продуктивностью степи) и т.д.

Однако, в подобных ситуациях возможны и случаи, когда менее жизненаполненный с биоценологической точки зрения ландшафт оказывается высокоценным с точки зрения социокультурной. Тогда суммарная жизненаполненность такого ландшафта может оказаться выше, чем у более высокопродуктивного с биоценологической точки зрения. Так, например, когда после по сути дела синтеза искусственного ландшафта Куршской косы в начале XX века встал в конце того же века вопрос о сохранение на ней менее биопродуктивного, но культурно ценного (памятника природы) пустынного дюнно-барханного ландшафта, это потребовало вложения значительных сил и энергии, но увеличило суммарную витализацию синтезированного ландшафта Куршской косы [40].

Практически неизбежно та или иная трансформация ландшафта происходит при смене населения, изменении его расового, этнического, культурного, религиозного, социального состава. В настоящее время имеют место подобные изменения и на территории России, которые остро переживаются определённой частью местного населения, претендующего на то, чтобы быть единоличными держателями местного ландшафта. При этом такое изменение населения воспринимается как результат перераспределения человеческих масс после распада СССР.

Однако, речь идёт о значительно более объёмном процессе движения населения от Тихого океана через северную Евразию (Сибирь, Урал, Европу) к Атлантике и переправке части этого человеческого потока через Атлантику в Америку, т.е. о процессе вполне сопоставимым с Великим переселением народов в I тысячелетии от Р.Х. [64]. Очевидно, это приводит и к закономерным трансформациям ландшафта как с изменением соотношения витальности / некротичности ландшафта, так и без таковой. Существующая при этом инерция восприятия таких изменений может приводить к тому, что происходящие изменения, как имеющие циклическую природу, так и однонаправленные, могут восприниматься как смерть, деградация ландшафта, экологический кризис [19] и т.д., в то время как фактически имеет место только возникновение непривычных состояний ландшафта. Возможно, для описания таких процессов целесообразно привлекать представления об аполлонической, спокойной, гармонически-уравновешенной (как в современной Европе) и дионисийской неудержимо-бурной, кипящей (подобно Юго-Восточной Азии) жизни [80].

Эвристическая витология ландшафта

Проведенное рассмотрение, как представляется, выявляет эвристический потенциал предлагаемого витологического изучения ландшафта. При этом такое изучение оказыва-

ется в высокой степени динамичным, отображающим ландшафт в многообразии его изменчивости и изменений во времени.

Кроме того, данный подход позволяет перейти от статического алармизма или платонически-идеального конструирования (как в случае модели поляризованного ландшафта Б.Б. Родомана) ландшафта перейти к его **витологической и морфологической критике,** дающей адекватное представление о витологическом статусе ландшафта и допускающей рассмотрение спектра возможных вариантов коррекции и оптимизации спонтанных его изменений. При этом самыми актуальными задачами оказываются задачи **поиска индикаторов витальности и некротичности ландшафта,** в том числе, индикаторов овнешнённых, которые если бы не снимали бы дискуссионность существующих в этой области экспертных оценок, то хотя бы делали это обсуждение более конструктивным. С конструктивной точки зрения особо актуальным оказывается поиск не просто внешних, но **количественных,** измеримых индикаторов витальности/некротичности ландшафта. Однако, как было показано, индикаторов витальности быть не может, а бывают лишь обстоятельства, наводящие на предположение о наличии витализации. Принципиально же возможно только выявление того, что подозрительные на витальность феномены связаны с функционированием организма, о чём и могут свидетельствовать те или иные индикаторы. Поэтому при осуществлении попыток конструктивизации ответа на вопросы о витальности и некротичности важно не потерять качественной содержательности оценок.

III. Случай северного Прикамья. Витальность и некротичность ландшафтов Пермского края

Виденная автором часть Пермского края от Перми до Чердыни с посещением Усолья, Березников, Пыскора, Всеволодово-Вильвы, урочища Ивака, Соликамска в мае 2015 г. и во время путешествия от Перми до Кунгура в 1982 г. позволяет говорить об этой территории как характерной для северной части умеренного пояса Евразии, причем территории, испытавшей заметное, а местами и сильное (вплоть до катастрофического, например, в окрестностях Березников из-за деятельности ООО «ЕвроХим-Усольский калийный комбинат» или значительной территории края, включая Усолье, из-за затопления водами Камского водохранилища) антропогенное воздействие.

Ландшафт Пермского края как палимпсест

Как и всякий другой ландшафт, этот ландшафт может рассматриваться как палимпсест [65, 82]. Говоря об этом надо иметь ввиду два обстоятельства.

Во-первых, сделанное утверждение ни в коей мере не является метафорой, а представляет собою строгое утверждение. Однако, некоторое отличие от обычного палимпсеста состоит в том, что речь идет не только и не столько о письме как об одном из семиотических средств («знаковых систем»), сколько о любых семиотических средствах [77]. Тогда, то обстоятельство, что практически в любом ландшафте когда-либо жили люди двух и более разных культур, которые организовывали ландшафт под свои культурные нормы, причём от каждой культуры оставались свои не всегда заметные следы, и составляет суть формулируемого утверждения.

Во-вторых, сделанное утверждение подразумевает (в числе прочего) и то, что часть текстов ландшафта создана семиотическими средствами биологических организмов — микроорганизмов, растений и животных (включая Homo sapiens), в основе функционирования которых лежит генетический код, а также разнообразные процессы коммуникации и автокоммуникации (экзо- и эндосемиозис [98]) с помощью химических, электрических, световых, акустических, иммунных, гормональных, феромонных и прочих средств, изучение которых составляет предмет биосемиотики [67, 89, 90, 92, 97, 98, 99]. Принципиальным является то, что все живые существа (начиная с бактерий) лежат выше так называемого семиотического порога, отличающего несемиотические процессы от семиотических [88], который, как оказывается лежит на границе физико-химических и биологических явлений [95]. В связи с обсуждением семиотического статуса ландшафта особенно важно то, что биоценозы представляют собой особый класс биосемиотических объектов, изучаемый экосемиотикой [92, 93, 94]. При этом начиная с возникновения первых организмов с генетическим кодом, т.е. 3,5-4,2 млрд. лет назад, шло постоянное переписывания генетических текстов, которые представляют собой тем самым древнейшие палимпсесты [74, 84, 87] (число переписывания которых несоизмеримо превосходит число переписываний полипалимпсестов [16]). С учетом сказанного, совершенно очевидно, что биогенная составляющая ландшафта представляет собой палимпсест, причем в силу своей универсальности это утверждение является тривиальным.

Если же говорить о культурной составляющей ландшафта, то под тем её слоем, который связан с началом христианизации края в конце XIV в. и возникновением строгановских солеварен в начале XVI в. [6], просвечивается финно-

угорский субстрат. Последний характеризуется тем, что как и во многих других местностях, финские племена (если не считать того, что они прибегали к практике подсечно-огневого земледелия) выступали как эдификаторы фаций и урочищ, но практически никогда не эдификаторами местностей и ландшафтов, т.е. их деятельность соответствовала идеалам самых радикальных направлений современных природоохранных и экологистских движений (ср. положение Всемирного фонда дикой природы о том, что малые «коренные народы являются … важными служителями Земли» [32, с. 3]).

Как христианизация Пермской земли, грандиозная строгановская деятельность по промышленному и культурно-административному освоению края, становление горнорудного дела и прокладка железных дорог в конце XIX – начале XX вв., складывание военно-промышленного и оборонно-космического комплекса края в XX веке, так и гидроэнергетика, разработка ВКМКМС и деятельность Лукойла по нефтегазовой добыче в XX – начале XXI вв., которые определяют ныне ландшафт Пермского края, носили и носят по сути колонизаторский характер, что ныне и определяет культурный ландшафт этой территории. Все субъекты деятельности — русские купцы, царская (имперская) администрация, русская православная церковь, транснациональные корпорации и т.д. — действовавшие и действующие на этой территории находились и находятся за её пределами (в Москве, Петербурге, опять в Москве, в Германии, США, Бразилии и т.д.), представлены в основном не выходцами из местного населения, а восточными славянами, евреями, немцами и т.д., а получатели прибыли от деятельности на этой территории также находятся за её пределами. Всё это хорошо прочитывается по ландшафту (о чтении по ландшафту см. [24, 61]), типичному для внутренней колонии [60]. Такое положение дел, конечно, придаёт облику этого ландшафта явную некротичность.

Это проявляется и в психологии и поведении людей. Значительная часть из них ощущает себя как вынужденных обстоятельствами «жить здесь и теперь», другая — более активная — осознает свое пребывание в этом крае как средство относительно быстро и успешно решить свои карьерные и финансовые задачи и осуществив это податься в какие-то более привлекательные края (вывезя с собой и созданный капитал). Число людей, желающих счастливо и полнокровно жить в своём крае, приверженных просвещённому местному патриотизму и быть ответственными «держателями» ландшафта, весьма невелико.

Показательнее всего в связи с этим отношении к рекреации, в том числе, к рекреации оздоровительной — индикатором того, что ландшафт жизненаполнен является желание его жителей проводить в нём свои отдых и досуг. То обстоятельство, что топ-менеджмент крупнейших калийных и нефтяных компаний даже уикенд проводит за пределами региона или вообще за пределами России (в противоположность, например, некоторой части высшего руководства Якутии, которая проводит свой уикенд и даже отпуск, кочуя в тайге) является лучшим индикатором катастрофической некротизации ландшафта.

Пользуясь представлениями В.Л. Каганского [20] можно квалифицировать данную территорию как периферию (не смотря на то, что она геометрически находится в центре страны), со свойственной периферии некротизацией ландшафта.

Единственным средством витализации ландшафта в такой ситуации является превращение периферии в провинцию, посредством создания условий, в которых как могла бы существовать определяющая ситуацию часть населения, являющаяся носителем вышеупомянутого просвещённого патриотизма, так и край обладал бы привлекательностью для деятельности на его территории креативных персон из других регионов.

Просвещенный местный патриотизм

Первое — создание условий для проявления просвещённого местного патриотизма — предполагает создание максимально разнообразной и комфортной среды обитания.

Это должно относится как к широким слоям населения, для которого важны хорошее снабжение продуктами питания и промышленными товарами (по необходимости в существующих условиях иностранного производства), медицинское обслуживание (включая родовспоможение, педиатрию, гериатрию, в том числе, профилактическую, санаторно-курортное лечение, неотложную хирургию и т.д.), лекарственное обеспечение, образование всех ступеней (предусматривающее международный, не говоря о межрегиональном, обмен), социальное обеспечение (в том числе, поддержку инвалидов, создание благоприятной для них среды обитания, помощь молодым семьям, семьям с малолетними детьми, одиноким женщинам с детьми, достойные региональные пенсии для пожилых людей и стариков), возможности рекреации (развитие в дополнение к знаменитому Пермскому балету сопоставимого по качеству драматического театра, включая детский, развитие эстрадных жанров, создание современных сценических площадок, планетариев, музеев, бассейнов, стадионов, в том числе, высокотехнологических, используемых

как для спортивных состязаний и концертной деятельности, так и для занятий — в том числе, детей — физкультурой) и т.д., так и к более узким группам населения со специализированными интересами.

В этом контексте можно говорить, прежде всего, о поддержании и культивировании среды научно-технического творчества, причем, в первую очередь тематически связанной с Пермским краем. Это могут быть самые разные области.

Одной из них является пермский период палеозойской эры, выделенный 1841 году британским геологом Родериком Мурчисоном по обнажению, находящемуся в Перми и представленный в других точках Пермского края, что делает Пермский край потенциально привлекательным для всех, кто занимается геологией, стратиграфией и палеонтологией Пермского периода. Создание Музея пермских древностей (который имеет явный потенциал для развития, причем ориентированного как на маленьких детей и школьников, так и на специалистов смежных областей — преподавателей, экскурсоводов, краеведов, журналистов и т.д.), складывание международного общества пермофилии, выпускающим с 1978 г. одноимённый журнал (Permophiles — *http://www.nigpas.ac.cn/permian/web/permo.asp*), присутствие в Перми геологического образования — всё это является шагами в желаемом направлении, которые, правда, в определённой мере ограничиваются условиями, с которыми сталкивается путешественник в Пермском крае (см. далее).

С геологией связаны и две главных отрасли хозяйства Пермского края — во-первых, добыча калийно-магниевых солей и производство удобрений из них и, во-вторых, добыча углеводородов. Деструктивное, колонизаторское влияние этих отраслей промышленности на ландшафт края определяется сочетанием следующих обстоятельств:

- малой вовлеченностью местного населения в указанные виды деятельности, как из-за её высокой специализированности, так и из-за относительной простоты, не требующей привлечения большого числа высококвалифицированных специалистов;

- потреблением местным населением малой доли производимой продукции и очень ограниченный ресурс увеличения потребности в этой продукции;

- технологическая приближенность этих видов деятельности к простому производству сырья и слабость перерабатывающей промышленности.

Все три обстоятельства являются вескими основаниями для придания Краю колониального склада, формированию того, что обозначено В.Л. Каганским как провинциальная периферия и характеризуется избытком ресурсов при дефиците их конверсии в культурную почву [20]. Поэтому требуются особые усилия по преодолению каждого из указанных обстоятельств. При этом текущая и краткосрочная финансовая рентабельность обсуждаемых отраслей будет падать. Витализации же ландшафта будут способствовать следующие формы активности:

- Углубление степени переработки добываемых ископаемых — калийно-магниевых солей и углеводородов, развитие химической (в том числе, нефтехимической) промышленности (причём с использованием современных технологий очистки отходов, допускающих соседство производства с рекреацией, в том числе, санаторно-курортной), диверсификация продукции сложившихся отраслей (например, наряду с калийными удобрениями выпуск медицинских препаратов калия и калиевых реактивов для биохимических исследований). На первых порах целесообразно бороться хотя бы за увеличение доли гранулированной продукции при производстве калийных удобрений (что и соответствует тенденциям и планам развития Уралкалия [17, 56]). В числе прочего это приведёт к привлечению в ландшафт большего числа квалифицированных кадров, создаст условия для реализации результатов образования в пределах края.

- Увеличение доли населения вовлечённого в деятельность, связанную с добычей и использованием калийно-магниевых солей и углеводородов, за счёт диверсификации связанных с ними производств и увеличения числа людей, обладающих квалификацией, необходимой для работы в этих областях.

- Увеличение использования продукции добычи калийно-магниевых солей и углеводородов местным населением за счет диверсификации этой продукции.

Конечно же, самостоятельными грандиозными научно-техническими проблемой и порождаемой ею областью творчества является преодоление тех катастрофических последствий для ландшафта, которые возникают при соприкосновении грунтовых вод, поднявшихся из-за создания Камского водохранилища, с линзой солей ВКМКМС. Распутывание сложнейшего сплетения геологических, экономических, социокультурных, природоохранных, политических и других возникающих из-за этого проблем требует не только административно-властного, но и интеллектуального прорыва. Специфика этой проблемы в том, что она является первоочередной для Края и для мира в целом (из-за роли месторождения на мировом рынке калия), но не для Российской Феде-

рации, озабоченной в первую очередь другими проблемами.

Следует особо подчеркнуть, что все перечисленные поля активности имеют принципиально комплексный характер и не могут быть разрешены в рамках ни дисциплинарного, ни системного подходов [66, 75].

Второй после геологии отраслью научно-технического творчества, связанной с Пермским краем, является этнография, лингвистика и филология. Здесь можно выделить три круга важнейших проблем.

С одной стороны, это интереснейшие процессы социокультурных изменений на территории края, происходящие на протяжении XVIII – начала XXI вв., связанные с модернизацией и индустриализации края (вплоть до таких явлений как влияние на ландшафт немецкого протестантизма в постсоветский период).

С другой стороны, это проблематика связанная с финно-угорским (точнее, финно-пермским и пермским) субстратом местной культуры. Эта интенсивно развивающаяся область сравнительно-исторического языкознания пока мало отражена в общих руководствах по коми-пермяцкому языку, написанных в основном в 1950-60-х гг., так что здесь имеется широкое поле для работы.

С третьей стороны, это литературная жизнь края. Здесь в качестве примера интеллектуального прорыва можно указать сложившуюся в Перми школу литературного краеведения В.В. Абашева. При этом важное место в кругу интересов этой школы принадлежит Б.Л. Пастернаку и О.Э. Мандельштаму, что вполне понятно с литературоведческой точки зрения. Однако, поддержание интереса к ним в Пермском крае с точки зрения жизни ландшафта не способствует его витализации, поскольку это продолжает поддерживать статус края как периферии. Становлению же Края как провинции с ее высоковитальным ландшафтом способствует формирование устойчивого интереса к деятельности именно местных писателей (пусть и не первого ряда), неразрывно связанных с этим Краем.

Интерес к дославянской истории Края, как и к его литературному образу делает вполне понятным определенную популярность образа Биармии. При всей проблематичности этой тематики, объединённые ею люди, вносят свой вклад в витализацию местного ландшафта.

Обсуждаемая тематика высвечивает остро стоящий вопрос о местных святынях и преданиях, без которых невозможно существование локальной идентичности и опирающейся на неё заботе о жизни окружающего ландшафта. В случае Пермского края вопрос об этих святынях и преданиях является крайне неопределённым.

С одной стороны, можно сделать ставку на финно-пермский и пермский субстрат местной культуры, хотя их присутствие в актуальной культуре очень невелико. Тогда для начала, надо будет осуществить его ресинтез, который будет, с одной стороны, поневоле мифологичным, а с другой — с неизбежностью привязан к политическим веяниям сегодняшнего дня. В итоге можно получить то, что имеется ныне в Башкортастане [23] или, отчасти, в Татарстане (ср. в связи с этим [43]).

С другой стороны, это может быть возрождение (имеющее место ныне) православных святынь. Однако, тут тоже далеко не всё так просто, как можно было бы ожидать.

Во-первых, христианизация края шла непросто и судя по всему была поверхностной (кстати, как на многих территориях с финно-угорским субстратом — ср. Финляндию, Карелию, Эстонию, запад Ленинградской области). Показателен даже сам факт изгнания Стефана Пермского (которого крупный специалист по палеонтологии перми А.В. Гоманьков предлагает провозгласить святым покровителем пермской геологии — стратиграфии и палеонтологии) из Пермских земель (при этом ныне Стефан Пермский преподносится как сподвижник игумена Земли Русской Сергия Радонежского, т.е. опять же в контексте отношения к Пермскому краю как к периферии, а не как к провинции), угасание древних монастырей на них (например, в Пыскоре).

Во-вторых, очень сложным ныне (после снятия клятв в 1971 г.) оказывается ситуация со старообрядческим наследием Края [63].

В-третьих, для идентичности края важно существование Строгановской школы иконописи, древние иконы которой почитались и старообрядцами (сколько их погибло при затоплении водохранилища в 1954 — накануне последней волны воинствующего атеизма?).

В-четвёртых, в обсуждаемом аспекте совершенно недостаточно внимание к пермской деревянной скульптуре, которая широко известна за пределами края. Однако, знакомство с нею весьма затруднено — существует лишь один зал в Пермской государственной художественной галерее, где она экспонируется, причем на фоне разговоров о больших её собраниях в запасниках, за 33 года с 1982 по 2015 г. количество выставленных экспонатов увеличилось на два (2!) экземпляра.

Наконец, надо отметить вклад в витализацию ландшафта бывших ссыльных, которые добровольно осели на этой территории. К их жизни и деятельности, к памяти о них должно привлекаться особое внимание. Такое внимание следует специально подчеркнуть, в связи с тем, что, как ГУЛАГ в целом, так и

деятельность общества «Мемориал» по его изучению в частности являются не только федеральным, но и международным брендом (как ни чудовищно это звучит!). Поэтому внимание просто к ГУЛАГу и его заключённым на территории Края «работает» на закрепление его статуса как периферии, а не провинции.

Все перечисленные и неназванные сферы проявления творческой активности местного населения являются основой существования в крае крупного центра развития науки и культуры. По сложившейся в нашей стране модели это могло бы быть Пермское отделение Академии наук. Однако, представить себе его трудно из-за возникающей при этом жёсткой конкуренции с Уральским отделением РАН (в частности с Коми научным центром УрО РАН, который даже по титульному статусу предполагает концентрацию в том числе и на историко-этно-лингвистической тематике). Аргументом против может быть и то, что в итоге будет идти процесс превращения Перми в столицу периферии, а не провинции. Кроме того, в настоящее время весьма дискуссионными (если не сомнительными!) представляются сами принципы организации Академии наук. Поэтому можно думать о каких-то альтернативных формах организации, например, о частном Обществе Пермских наук, техники и изящных искусств (построенных по типу Петровской академии наук и искусств, но без закрепившейся в ней идеологии), которое бы занималось бы и связанными с ними проблемами образования.

Креативные личности — гости Пермского края

Вторым направление превращения Пермского края из периферии в провинцию, как было сказано, является придание краю привлекательности для деятельности на его территории креативных персон из других регионов. При этом надо себе ясно отдавать отчёт в том, о чём идет речь — край по своему текущему положению не является тем местом, куда с энтузиазмов стремятся на постоянную или временную долгосрочную работу проявившие себя профессионалы из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска или из дальнего зарубежья. Поэтому в интересах края будет не стремление получить с каждого предпринимателя, художника, ученого, архитектора, инженера, музыканта какой-то доход от того, что они имеют возможность осуществлять свою деятельность в крае (за счет продажи патентов и лицензий на определённые виды деятельности, допуск в заповедники, предоставление гостиничного фонда, транспортного и бытового обслуживания и т.д.), а наоборот, минимизация перечисленных издержек.

Опыт зарубежных стран показывает, что организацией и обеспечением такой деятельности могут заниматься специализированные административные службы в ранге региональных министерств. Итогом такой деятельности должно быть увеличение числа выставок, концертов, научных конференций, фестивалей, спортивных соревнований, художественных конкурсов, гастролей и т.д., проводимых на всей территории Края с привлечением иногородних и иностранных участников за счет (или с её значительным участием) принимающей стороны. При этом в числе приглашенных могут быть люди с весьма специфическими нуждами и потребностями, как, например, у парализованного и постоянно подключённого к сложной аппаратуре Стивена Хокинга или у группы слепоглухонемых буддистов-мастеров пантомимы. Именно для решения возникающих при этом организационных вопросов и нужна специализированная служба, способная разрешать эти вопросы до их возникновения (что хорошо отработано при организации международных форумов в Европе, Северной Америке или Юго-Восточной Азии, «приученных» к соблюдению политкорректности в ситуациях соприкосновения людей разных культур и вероисповеданий).

Говоря об обсуждаемой стороне дела следует признать, что среда обитания края не очень благожелательна по отношению к гостю. Это проявляется в многообразии мелких дополнительных поборов, которые пытаются получить с клиента самые разнообразные службы (транспортные, гостиничные, музейные), отсутствии душевых кабин в транспортных узлах, сложности доступа к Интернету даже в публичном пространстве учреждений, неполной и неточной представленности в Интернете информации о транспорте, перебоях с водоснабжением (в особенности с горячим), плохой вышколенности персонала в сфере обслуживания (это не всегда ухудшает качество, но делает получаемый результат непредсказуемым) и т.д. Ничего необычного для России в этом нет, но это вызывает удивление и даже досаду, на фоне разговоров о том, что денег в регионе достаточно и потенциал для развития у него есть — может быть и есть, но реализация его затруднена из-за отсутствия культуры организации повседневной среды обитания.

Соотношение витальности и некротичности как итог столкновения интересов

Если подводить итог увиденного и сказанного, то можно утверждать следующее. Зна-

чительная часть Пермского края, приуроченная к Камскому водохранилищу и ВКМКМС представляет собой сильно разрушенное тело ландшафта, которое вполне можно квалифицировать как труп ландшафта. Дополнительным, более локально действующим, фактором является Уралкалий и другая промышленность города Березники. Вся это территория может быть квалифицирована как высоко некротизированная. Представляется, что под давлением жестких, некоординированных разнонаправленных антропогенных воздействий, направленных на достижение среднесрочных целей в течение XX века (что началось гораздо раньше, но было менее интенсивным) культурный ландшафт рассматриваемой территории безвозвратно разрушен и о нём вполне допустимо говорить как о разлагающемся трупе. Это хорошо видно на подтопленных Усолье и п. Орёл, старожилы которых живут воспоминаниями и легендами о времени до строительства Камского водохранилища. Показательно то, что Палаты Строгановых даже фотографируются практически только в одном ракурсе, потому что в противном случае становится виден упадок ландшафта. Храм Николая Чудотворца в Усолье вообще руинизирован и трудно представить возможность вдохнуть в него жизнь.

На этом фоне проявляется потенциал дионисийской жизненаполненности местных лесов, правда проявляющийся прежде всего в виде наименее дендрологически ценного молодого березняка, который зарастает разрушенные антропогенными воздействия участки ландшафта и брошенные артефакты, превращающиеся в трупы. Это зарастание охватывает и территории ГУЛАГа (например, Усольлага, в котором сидел дед автора этих строк [28, с. 18]), по поводу существования которого в общественном мнении так и не достигнуто консенсуса.

На этом фоне существуют те или иные начинания по витализации ландшафта, причем осуществляемые энтузиастами, отдающими все силы своему делу, что вызывает безмерное уважение к ним. Примерами могут быть «Дом Пастернака» в п. Всеволодо-Вильва, краеведческие музеи в Чердыни и в Усолье. Однако, концептуально все три музея представляют образ края как периферии (а в определённой мере как колонии) Российского государства разных эпох (от первых Строгановых до экономического бума границы XIX-XX вв. и сталинского ГУЛАГа). Бесспорно, что роль периферии в истории и жизнь каждого государства важна и неоспорима, представление этой истории безусловно интересна образованному человеку из столицы или метрополии в целом, представителю (формальному или неформальному — учителю государственной школы, сотруднику отдела культуры местной администрации, члену Общества охраны памятников и т.д.) общегосударственных интересов на местах, зарубежному исследователю или путешественнику и т.д. Всех их может устроить статус музея как части заповедника, на которой сохраняется то, что представляет интерес как часть мирового или национального природного и культурного наследия, представляет ныне существующие достопримечательности.

А может ли быть эта территория выступать как полноценная провинция? При этом надо иметь в виду, что разные провинции одной страны могут обладать и разными вариантами рассказываемой истории [70]. Что можно рассказать школьникам, которых привели в любой из указанных музеев? Что вот были власти в Москве или в Петербурге, они сподвигли (разными средствами в разные времена) купцов, военных, ученых, инженеров осваивать этот край и вывозить его богатства в столицы. Кроме того, в этот край начали бежать гонимые официальными церковными властями, а потом власти, уже светские, сделали этот край местом ссылки, так что здесь в ГУЛАГе содержались, мучились и погибали десятки и сотни лучших сынов родины (администраторов, инженеров, ученых, трудолюбивых крестьян), здесь же гениальный поэт пытался покончить жизнь самоубийством, прыгая из окна больницы, а потом ради общих интересов государства просто решили затопить огромную территорию, разрушив не только физическую жизнь, но и память людей. А после всего этого власти разрешили энтузиастам ценой личного героизма восстанавливать край, раз он настолько богатый, что в нём ещё теплится какая-то жизнь. Что после этого будет в сознании у школьника, который родился и вырос в этих местах, который, может быть, является внуком или правнуком спецпереселенца или охранявшего его вохровца? Как ему со всем этим потом жить? Что он сможет и захочет делать?

Учитывая всё это, не исключено, что обсуждаемая музейная деятельность может послужить не витализации ландшафта, а, наоборот, оказаться средством порождения нежити, средством демонстрации администрации присутствия некоторой имитации жизни, но имитации обречённой на постоянные мучения. Да, конечно, для того, кто создаёт и поддерживает эти музеи это составляет смысл их самоотверженной жизни, да музей, например, в немецкой провинции (точнее, в многочисленных немецких землях-государствах) XVIII-XIX вв. (вместе с немецкими университетами и немецкими аптекарями) стал одним из инструментов скла-

дывания единой немецкой культуры и т.д., но это была совершенно другая культура, в которой не было периферии, превращающейся временами во внутреннюю колонию.

Одной из самых болезненных тем, острота которой возрастает в последнее время, является тема военно-патриотическая. В полном мере она имеет отношение и к рассматриваемой территории, к её ландшафтам, причём некоторые из сюжетов здесь очень старые. Так, оказывается до сих пор неартикулированным (пусть хотя бы фиксирующим существование нескольких разных точек зрения) вопрос о завоевании / присоединении / покорении / освоении / включении в состав Русского (Российского) государства Урала и Сибири, о событиях 1610-1612 гг. и их значении для полонизации Северо-Востока Руси, о героях и антигероях Гражданской войны в Приуралье (опять же для сравнения: путешествие автора по США с американским профессором молекулярной биологии сопровождалось тем, что он не только рассказывал о событиях Гражданской войны 1861-1865 гг., но на местах боёв Южан и Северян пел боевые песни и тех, и других). При этом вопрос о белом движении раскрыт в музеях значительно хуже, чем о красных, в них же не представлена в самостоятельном виде проблема милитаризации Предуралья и Урала, связь милитаризации и ГУЛАГа, милитаризации и развития космонавтики, значение милитаризации для распада СССР и т.д. Одним словом, получается, что в военных вопросах «пораженья от победы ты сам не должен отличать» вдвойне. Именно эта область оказывается проявлением кадавризации в смысле Стругацких. Всё это проглядывается и в топонимике, и по походу разговора высказываемых суждениях собеседников, и в воспоминаниях старожилов… Но рефлексия этой тематики практически полностью табуирована.

В этой ситуации говорить о каких-то перспективах развития обсуждаемой территории и судьбе её ландшафтов — дальнейшей некротизации или возможной витализации — крайне трудно. С одной стороны, «на месте» есть сложнейший клубок проблем, трагическое, но неизбежное столкновение которых заложено в далеком прошлом. Самым значительным из них, причем требующим немедленного разрешения из-за провалов грунта и разрушения знаний (в том числе, жилых, что сопровождается гибелью людей) является соседство Камского водохранилища и разрабатываемого ВКМКМС. С другой стороны, ключ к решению этих проблем лежит далеко за пределами этой территории — в политическом руководстве федерального центра, в высшем руководстве Лукойла, Уралкалия и Еврохимии, регуляторах мирового рынка углеводородов и калия и т.д. Все они вместе, а при определенных условиях и каждый в отдельности в состоянии решить самые острые проблемы региона (вплоть до спуска Камского водохранилища), однако, проблемой является отсутствие как согласия между ними, так и борьба собственников и высшего руководства внутри каждого из определяющих ситуацию игроков, что делает ситуацию непредсказуемой.

Поэтому можно утверждать, что рассматриваемая ситуация — крайне сложная и непозволяющая дать какую-то общую оценку. Это делает понятной постановку темы настоящей работы, несколько неожиданно предложенной автору организаторами, и хорошо иллюстрирующей общие положения, сформулированные при её разработке.

Представляется, с другой стороны, что аппарат общей витологии является тем средством, которое дает возможность довольно артикулировано описать культурный ландшафт северного Прикамья.

Библиографический список

1. Активные воздействия на облака и туманы. М.: Гидрометеоиздат Моск. отд-ние, 1992. 188 с.

2. *Андрейчук В.Н.* Березниковский провал. Пермь: Издательство УрО РАН, 1996. 134 с.

3. *Баравая Г.* «Месть Сталина» вползла не только в Прибалтику с Польшей. Днями ощутили ее ожоги и у нас… // Белорусские региональные новости. 5 мая 2009. URL: *http://regionby.org/2009/05/05/mest-stalina-vpolzla-ne-tolko-v-pribaltiku-s-polshej-oshhutili-ee-ozhogi-i-v-grodnenshhine-brestchine%E2%80%A6/* - 5 мая 2009 (дата обращения 19.10.15).

4. *Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г.* Экспертные оценки. М.: Наука, 1973. 162 с.

5. *Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г.* Математико-статистические методы экспертных оценок. М.: Статистика, 1980. 264 с.

6. *Брумфилд У.* Усолье. Земля Строгановых на Каме. М.: Три квадрата, 2013. 144 с.

7. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

8. *Бунтман С.* Парковка — URL:*http://echo.msk.ru/sounds/1646092.html*. 24.10.2015 (дата обращения 26.10.15).

9. Бывшие жители древней Мологи смогли увидеть свой родной город — URL: *http://tvkultura.ru/article/show/article_id/115966/* (дата обращения 19.10.15).

10. *Грезин И.И., Шумков А.А.* Краткое пособие для описывающих русские некрополи за рубежом: Методический материал СПб.: ВИРД, 2000. 12 с.

11. *Гогин А.* Мёртвая зона. Мировоззрение в некрогонической перспективе. URL: *http://www.ph.spbstu.ru/sites/default/files/publications/ Мертвая%20зона.pdf* (дата обращения 19.10.15).

12. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Л.: ЛГУ, 1989. 496 с.

13. *Декарт Р.* Рассуждение о методе // Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия. М.: АН СССР, 1953. С.9-66.

14. *Джаксон Т.Н.* Austr í görðum. Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. 208 с.

15. *Ефремов И.А.* Тафономия и геологическая летопись. М.: АН СССР, 1950. 178 с.

16. *Зализняк А.А.* Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003. М.: Индрик, 2003. С. 190-212.

17. Интерфакс: «Уралкалий» в 2016 году начнет расширение мощностей грануляции // Вечерние ведомости, 15.07. 2015. URL: *http://veved.ru/perm/perm-news/63271-interfaks-uralkalij-v-2016-godu-nachnet-rasshirenie-moshhnostej-granulyacii.html* (дата обращения 19.10.15).

18. *Каганский В.Л.* Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней // Известия РАН. Серия географическая. 1993. № 4. С. 85-94.

19. *Каганский В.Л.* Экологический кризис: феномен культуры? // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. НИИ Информкультура. М., 1994, № 6. С. 1–16.

20. *Каганский В.Л.* Центр - провинция - периферия - граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: Вопросы теории и методологии исследования. М. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 72-101.

21. *Каганский В.Л.* Путешествие в ландшафте и культуре: Школа по теоретической биологии «Мир путешествий. Мастерство путешествий» (С.-Петербург, 26 марта – 1 апреля 2000 г.) // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001. Вып. 2. С. 3-18.

22. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

23. *Каганский В.Л.* Башкортостанское пространство // Русский журнал: интернет-журн. 20.12.2004. URL: *http://old.russ.ru/culture/20041220_kag.html* (дата обращения 19.10.15).

24. *Каганский В.* Чтение культуры по ландшафту. Диагноз: пространственная невменяемость» 05.09.2015. URL: *http://www.youtube.com/watch?v=-7eBXJuywQo* (дата обращения 19.10.15).

25. *Каганский В.Л., Родоман Б.Б.* Поляризованный ландшафт юга Дальнего Востока России (проект экофильной территориальной организации) // Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 50–54.

26. *Карпов В.П.* Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98 (III). С. 341-392. Кн. 99 (IV). С. 523-573.

27. *Киприан [Керн]* архм. Антропология Григория Паламы. Париж: Ymka-Press, 1950. 444 с.

28. *Климова Д.Н., Жук В.И., Чебанов В.Д.* Андрей Митрофанович Журавский. 1892 — 1969. СПб: Наука, 2006. 152 с.

29. *Кобак А.В., Пирютко Ю.М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2009. 798 с.

30. *Колмогоров А.Н.* Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Т.1. №1. С. 3–11.

31. *Кордонский С.* Административно-территориальная структура России: «в реальности» и «на самом деле». М.: Издательство «Европа», 2010. 308 с.

32. Коренные народы и охрана природы: декларация принципов WWF. М., Всемирный фонд дикой природы, 1997. 40 с.

33. *Кочухова Е.С.* Non-stop: время мегаполиса // Сумма философии. 2007. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 128-131.

34. *Кудрин Б.И.* Математика ценозов: видовое, ранго-видовое, ранговое по параметру гиперболические H-распределения и законы Лотки, Ципфа, Парето, Мандельб-рота // Ценологические исследования. Вып. 19. Философские основания технетики. Новомосковск: Центр системных исследований. 2002. С. 357-413.

35. *Кунина Е.Ф.* Дольше всего продержалась душа… URL: *http://babiki.ru/blog/kulturnoe-nasledie/26624.html,* 10.4.2013 (дата обращения 19.10.15).

36. *Левич А.П.* Структура экологических сообществ. М.: МГУ, 1980. 182 с.

37. *Лем С.* Сумма технологий. М., Мир 1968. 608 с.

38. *Лихачёв Д.С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. 472 с.

39. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.

40. Материалы комплексного экологического обследования участков акватории Балтийского моря, обосновывающие придание этой акватории статуса охранной зоны национального парка «Куршская коса» Проект BASE «Выполнение Россией Плана действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю» Калининград. 2014. 144 с. — *http://helcom.fi/Lists/Publications/Extension%20of%20the%20marine%20protected%20zone%20of%20the%20Curonian%20Spit%20Final%20Report%20in%20Russian.pdf* (дата обращения 19.10.15).

41. *Моисеев В.И.* От биологии к витологии: новая точка зрения на феномен живого существа // Методология биологии: новые идеи (синергетики, семиотика, коэволюция). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 222–233.

42. *Назаров Н.Н.* Гидрологические последствия осушительной мелиорации и русловые процессы // Географический вестник. Пермь. 2014. №4. С.4-10.

43. *Найшуль В.* Проблема Татарстана сквозь призму русской языковой картины мира. Опыт лингвистического моделирования. // Русский журнал: интернет-журн. 22.09.2004. URL: *http://old.russ.ru/culture/20040922_nay.html* (дата обращения 19.10.15).

44. *Недикова Е.В.* Оптимальные соотношения земельных угодий сельскохозяйственных организаций на агроландшафтной основе // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2012. № 8. С. 45-53.

45. *Одум Ю.* Экология: В 2-х т. М.: Мир, 1986. Т. 1. — 328 с. Т. 2. — 376 с.

46. *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго // Пастернак Б. Л. Собр. соч. В 5 т. Т. 3. М.: Худож.лит., 1990. С. 7-540.

47. *Петров К.М.* Подводные ландшафты: Теория, методы исследования. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 124 с.

48. *Петров Т.Г.* Информационный язык для описания составов многокомпонентных объектов // Научно-техническая информация. Сер 2. 2001, № 3. С. 8–18.

49. По России распространяется сорняк «Месть Сталина» URL: *http://www.kp.by/online/news/525244* — 10 августа, 2009 (дата обращения 26.10.15).

50. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

51. *Попов И.В.* О почитании святых мощей // Журнал Московской Патриархии. 1997. №1. С. 74-79.

52. *Попов П.В., Виноградов В.Г.* Основные формы движения материи и их соотношение. М.: Высшая школа, 1967. 88 с.

53. Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 года «О «красном терроре»» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917—1960 М.: Международный Фонд «ДЕМОКРАТИЯ», 2000. С. 15.

54. Проблемник Школа-семинар "Мир путешествий. Мастерство путешествий". URL: *http://biospace.nw.ru/biosemiotika/main/seminar/problem.htm* б.г. (дата обращения 26.10.15).

55. Провалы в Березниках и Соликамске — URL: *https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8B_%D0%B2_%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%85_%D0%B8_%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B5*, 3 августа 2015 (дата обращения 26.10.15).

56. Программа развития мощностей — URL: *http://www.uralkali.com/ru/expansion_programme/,* 2014(дата обращения 26.10.15).

57. Продуктивность экосистем — URL: *http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/produktivnost-ekosistem.html,* б.г. (дата обращения 26.10.15).

58. *Разумовский С.М.* Избранные труды: Сборник научных статей. М.: КМК Scientific Press, 1999. 560 с.

59. *Родоман Б.Б.* Искусство путешествий // Наука о культуре. Итоги и перспективы. Вып. 3. М., 1995. С. 79-85.

60. *Родоман Б.Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. III. М.: Аспект пресс, 1996. С. 94-102.

61. *Родоман Б.Б.* Чтение общества по ландшафту. Владимир Каганский. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 574 с. // Отечественные записки 2002, № 2 (3). С. 276-277.

62. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение. Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов? // Руссо Ж-Ж. Избранные сочинения. М.: ГИХЛ, 1961, т. I, с. 43—267.

63. *Санникова Е.А.* История старообрядчества Пермского края // Русская история. 2011 №3. С. 108-111.

64. *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

65. *Сид И.О.* Территория и ландшафт как палимпсест. Макс Волошин, Даур Зантария: геопоэты в «свёрнутом» путешествии // География и туризм. Научн.журн., Вып. 1(17) 2018 г. Пермь, 2018.

66. *Сопиков А.П.* Междисциплинарность как тип комплексности // Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований. СПб: СПбСУ, 2002. С. 78–79.

67. *Степанов Ю.С.* Семиотика. М.: Наука, 1971. 168 с.

68. *Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Понедельник начинается в субботу: Сказка для научных работников младшего возраста. М.: Детская литература, 1965. 224 с.

69. *Стругацкие А.Н. и Б.Н.* Хищные вещи века // Стругацкие А.Н. и Б.Н. Хищные вещи века. М.: Молодая гвардия 1965. С. 9-127.

70. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 352 с.

71. *Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.

72. *Хот Дж.* Бог после Дарвина. Богословие эволюции. М.: ББИ, 2011. XII + 236 с.

73. *Царькова Т.С.* Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1999. 200 с.

74. *Циммер К.* Микрокосм: E.coli и новая наука о жизни. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 394 с.

75. *Чебанов С.В.* Комплексность в биостратиграфии // Системный подход в геологии (Теоретические и прикладные аспекты). Часть 1. М.: Московский институт нефти и газа им. И.М. Губкина. АН СССР, 1986. С. 84-86.

76. *Чебанов С.В.* Смерть как извращение жизни // Труды конф. «Тема смерти в духовном опыте человечества». Фигуры танатоса. 5 специальный выпуск. СПб: СПбГУ, 1995. С. 78-83.

77. *Чебанов С.В.* Морфологические основания типологии семиотических средств // Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Т.1. Тверь: ТГУ, 1995. С. 24-33.

78. *Чебанов С.В.* Географические типы пространственной организации поселения // Человек и город. Пространства, формы, смысл. СПб - Женева - Салоники - Екатеринбург: Архитектон. 1998, Т.II. С.89-98.

79. *Чебанов С.В.* Интеллигенция: ценность полионтологий и межкультурный диалог // Дифференциация и интеграция мировоззрений: экзистенциальный и исторический опыт. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып.20. СПб: Эйдос, 2004. С. 197-219.

80. *Чебанов С.В.* Интерпретация тела и постижение жизни // Логос живого и герменевтика телесности. М.: Академический проект, 2005. С.339-406.

81. *Чебанов С.В.* Взаимодействие со смертью как творчество // Холизм и Здоровье, № 1(9), 2014. С. 11-17.

82. *Чебанов С.В.* Типология семиотических зачёркиваний в реконструкции Летнего сада // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета

технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2014, №3. С. 47-57.

83. *Шмальгаузен И.И.* Пути и закономерности эволюционного процесса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 322 с.

84. *Benner S.A., Ellington A.D., and Tauer A.* Modern metabolism as a palimpsest of the RNA world // Proc. Natl. Acad. Sci. USA.1989; 86. P. 7054-7058.

85. *Chebanov S.V.* Theoretical biology in biocentrism // Lectures in Theoretical Biology. Tallinn: Valgus. 1988. P. 159-167.

86. *Chebanov S.V.* Umwelt as life world of living being // Semiotica. Vol. 134 — 1/4, 2001. P. 169-184.

87. *Coletta W.J.* Evolutionary bodies of knowledge; or, the evolutionary phenomenology of J. J. Audubon, Georges Bataille, Theodore Roethke, and Octavia Butler // International conference "Zoosemiotics and Animal Representations" 4-8 April 2011Tartu, Estonia. Tartu: University of Tartu. 2011. P. 33-35.

88. *Eco U.* A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976. IX+354 p.

89. *Hoffmeyer J.* Signs of Meaning. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 166 p/

90. *Krampen M.* Phytosemiotics revisited // Biosemiotics. Berlin: Mouton de Gruyter. 1992. P. 213-220.

91. *Kukk T. & Kull K.* Puisniidud // Estonia Maritima, 1997. 2. P. 1-249.

92. *Kull K.* Semiotic ecology: Different natures in the semiosphere // Sign Systems Studies, 1998, 26. P 344-371.

93. *Nöth W.* Ökosemiotik // Zeitschrift für Semiotik. 1996, 18(1). Z. 7-18.

94. *Nöth W.* Ecosemiotics // Sign Systems Studies. 1998, 26. P. 332-343.

95. *Nöth W.* Umberto Eco's semiotic threshold // Sign Systems Studies, 2000, 28. P. 49-61.

96. *O'Connell C.* The elephant's secret sense: the hidden life of the wild herds of Africa. New York (NY): Free Press; 2007. 256 p.

97. *Rothschild F.S.* Laws of symbolic mediation in the dynamics of self and personality // Annals of New York Academy of Sciences. 1962, 96. P. 774-784.

98. *Sebeok T.A.* Perspectives in Zoosemiotics. The Hague: Mouton, 1972. 188 p.

99. *Sebeok T.A.* Biosemiotics: Its roots, proliferation, and prospects // Semiotica. 2001, 134(1/4). P. 61-67.